

ИРИНА МАЛАХОВСКАЯ-ПЕН

КОШМАР ЗА БЕСЩЕНОК

Ирина Малаховская-Пен

Кошмар за бесценок

«Автор»

2024

Малаховская-Пен И.

Кошмар за бесценок / И. Малаховская-Пен — «Автор», 2024

Мальчик с ограниченными возможностями Саша и его отец Матвей вселяются в дом за городом, доставшийся им по низкой цене. Предыстория их переезда печальна - потеря самого близкого человека, проблемы, долги. Нужно как-то начать жить в новом доме с чистого листа, но оказалось, что тут их ждет настоящий кошмар, потому что у дома уже есть хозяева. Бесплотные, холодные, жуткие и безжалостные.

© Малаховская-Пен И., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Московская область, 1954	31
Город Королёв, наши дни.	35
Московская область, 1954	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ирина Малаховская-Пен

Кошмар за бесценюк

– Ну, вот. Всё, на что хватило денег. – вздохнул Матвей, помогая сыну сесть в коляске поудобнее.

– Сам. – пробормотал Саша, отпихнув руку отца.

– Ты погуляешь? Я пока вещи перенесу. Мебель вчера перевезли.

Вчера Саша провёл сутки в гостинице. Отец приехал только к ночи. А сегодня с утра они поехали сюда.

– Я помогу. – сказал Саша.

Тоже вздохнул и протянул руку. Давай, мол, что-нибудь. Буду возить на инвалидном кресле.

У Саши был ДЦП. Всегда. Он себя не помнил без кресла. И если руки его слушались, то ноги не хотели ни в какую. Бесконечные реабилитационные курсы не приносили ощутимого результата. Только измучили Сашу. И маму его, Таню, наверное, тоже измучили все эти курсы Сашиного лечения. Мама заболела раком. Долго болела, целых три года. «Боролась», как они говорили. Саша был не согласен с таким подходом. Ему казалось, что с опасным врагом надо договариваться. А рак был безусловно опасным врагом. Смертельно опасным. Он невидим глазу, он хитрый, подвижный, и очень сильный. Сам решает, где ему сидеть. Где пустить корни, куда раскинуть ветви. Как с таким бороться? Надо было просто попросить его уйти.

Саше было десять лет, когда мама заболела. Три года семья пыталась вылечить и реабилитировать уже не Сашу, а маму. Но Таня в конце концов умерла. И остались они с папой одни в этом мире. И он папе никакой не помощник. Так хоть вещи помочь отцу перетаскать. Саше даже проще – тащить не нужно: положил коробку на колени. Одной рукой придерживать, другой – управлять коляской. Руки у Саши были вполне себе здоровыми, а вот с ногами совсем беда. Иногда, после очередной реабилитации, Саша недолго ходил на костылях. Ну, как ходил? Прыгал.

Потом в мозгу что-то снова схлопывалось, как он это чувствовал, и ноги опять не желали подчиняться хозяину тела. Не хотели функционировать в ладу со всем остальным организмом. Всё остальное работало в режиме нормального человека, подростка. И умственное развитие у Саши, слава Богу, было в порядке. Если бы не ноги...

У дома изначально не было пандуса под коляску, но Матвей сделал для Саши. Видимо, вчера, когда мебель перевозил. Саша в этот момент встречался с друзьями – они приехали к гостинице. Погулять напоследок.

– Жди в гости, Санёк. – пообещали пацаны.

Саша вчера поверил. А теперь с тоской посмотрел на деревянный дом, восемь окон которого – по четыре с каждой стороны от двери – посмотрели на него в ответ. Не сами по себе посмотрели, конечно. Дом посмотрел окнами. Окна – глаза дома. Восемь! Бр-р-р. А ещё ведь и сзади есть. Не дом, паук какой-то. Саша подумал о пауках, которых ненавидел, и совсем скис: не придут пацаны. Кому надо из Москвы переться в область? В дом, который похож на паука. В старый деревянный дом. Тут хоть свет есть, интересно?

– Папа, почему мы не могли остаться дома? – дрогнувшим голосом спросил Саша у Матвея.

Отец отложил пакет и коробку, которые достал из багажника. Присел на корточки перед креслом. Он так всегда делал, чтобы установить зрительный контакт. Наверное, думал, что этот самый контакт должен по умолчанию разрушить любое непонимание на корню.

– Сейчас так, сынок. – серьёзно сказал Матвей. – Пока таковы наши финансовые дела. Ты же понимаешь...

Он осёкся. Но Саша понимал, да. Пока лечили маму, влезли в невероятные долги. Маму не спасли, но долги никуда не делись. Отец прикинул так и сяк, понял, что хоть миллион лет он будет работать и во всём себе отказывать, но не получится расплатиться с долгами, не продав всё, что можно. Первым делом Матвей продал свой внедорожник тойоту и купил КИА с пробегом. Двое – не трое. Вдвоём можно и на КИА передвигаться. Потом дошла очередь и до квартиры. Отец Саши рассчитался с долгами, а на оставшиеся деньги купил домик в подмосковном Королёве на самом краю частного сектора. И вот они переезжают. А Саше хочется выть. Но он понимал, да. Просто, видимо, не мог принять, как сейчас модно говорить. Принятия не было, нет.

Саша помог папе с вещами – отвёз на кресле пару коробок в дом. Внутри, кстати, было не так тоскливо, как снаружи. Отец постарался максимально воссоздать прежнюю обстановку. Ремонт сделал, да не просто, а похожий на тот, что был у них в квартире. Шторы привычные повесил в гостиной. Мебель, опять же, их собственная. Вещи. Посуда, покрывала, бытовая техника. Да, постарался отец, тут ничего не скажешь.

– Спасибо, пап. – чуть повеселел Саша, обнаружив внутри дома большую часть своей прошлой жизни. – А школа тут далеко?

В Москве Саша учился в обычной общеобразовательной школе. Инклюзия! Волшебное слово, позволяющее ребенку с особенностями почувствовать себя частью мира. Иногда даже забыть о своих особенностях.

– Понимаешь, Саня... тут школа без возможностей для...

– Для таких, как я. Ясно! – зло сказал Саша. – Так может быть, ты меня будешь возить в мою школу?

– У меня не получится. Прости. Домашнее обучение... ничем не хуже.

Он так яростно развернул кресло, что чуть не сбил отца.

– Ну, не совсем домашнее. Дистанционное. Через интернет. Всё как ты любишь! – пояснил Матвей.

– Да понял я. Где в этом сарае моя комната?

В комнате отец тоже постарался. Кровать Сашину перевёз со всем оборудованием. Он сможет спокойно ложиться, вставать, и переодеваться – все его бортики, поручни на месте. Комната большая, без порога. Кресло свободно проезжает – никаких проблем. Сашин компьютерный стол тут, и все его игры. Полка с книгами на уровне, на котором он спокойно достанет любую книгу без проблем.

– Где Ксёма? – заорал Саша.

Ксёмушка был его любимым роботом-пылесосом.

– Я слышу. Не кричи. – сказал голос отца прямо за спиной.

Саша испугался. Неожиданно и сильно. Рука съехала с рычага управления – он сжал пальцы в кулак и понял, что ладонь совершенно мокрая от пота. Вытерев руку о штаны, он взялся за рычаг и осторожно повернулся.

– Пап, ты чего подкрадываешься? – спросил Саша, и понял, что во рту всё пересохло.

– Я просто подошёл. – Матвей пожал плечами.

– Но как ты так тихо подошёл?

– Ну что? Нормально?

Отец не стал развивать тему, как он так тихо подошёл. Он хотел, чтобы Саша сказал, что всё в порядке. Что жить можно. Что они не пропадут. Да, это он должен успокаивать сына. Но его-то, Матвея, кто поддержит? Ира, что ли? Так Ира не звонит уже неделю. С тех самых пор, как узнала, что квартира продана, а Матвей купил дом и переезжает в Королёв.

Да, он был подлецом. По отношению к своей, тогда ещё живой, жене. И чувствовал себя соответственно. Но это произошло само по себе. Никто ничего не планировал. Просто

однажды, полгода назад, шеф вызвал Матвея к себе и уволил. Ему надоело вечное отсутствие некогда ценного сотрудника.

– Я всё понимаю. Жена болеет, сын инвалид. Правда, понимаю. Но у меня бизнес, брат. А не благотворительный фонд.

Матвей понимал. Борис и так сделал, что мог. Долго терпел. Денег дал в долг. Устал, бывает.

Он тогда жутко напился, пока вещи собирал. В столе лежал подаренный кем-то сто лет назад коньяк – уставшему Матвею много не надо было. С пол-литра он был в сопли. Ира, коллега Матвея, которая давно уже положила на него глаз, не бросила товарища. Дотащила до своей машины. Довезла до дома. До своего – какая разница, где проспится пьяный коллега.

Матвей страдал, рыдал и жаловался. Накопилось. Накипело. Взорвалось и вылилось наконец. Ира жалела Матвея. Так оно как-то само собой и случилось – поцеловались. А после и всё остальное. Далее продолжилось. Потому что дома умирала жена Татьяна, а Ирина стала отдушиной.

Таня умерла. Матвей понял, что дела его плохи. Что надо начинать сначала. Ира была готова жалеть и поддерживать, но, кажется, не была готова начинать что-то новое вместе. Просто исчезла с радаров. А он уже и Сашку с ней познакомил. Может, зря? Может, дурак, что познакомил? Кто больше пострадал от этого знакомства? Ира, которая испугалась. Одно дело, знать. И совсем другое, увидеть. А тут ещё и переезд Матвея в частный дом.

Или он плохо поступил с сыном, который недавно потерял мать? Себя проявил, как предатель, да ещё словно Сашку к предательству попытался склонить.

– Пап... – прервал размышления Матвея сын. – А вы с Ирой поженитесь теперь?

– Что? А, нет...

Матвей даже рассмеялся такому предположению. Смех был невесёлым, с горечью.

– Нет, Саня. Теперь уже точно нет.

– Жаль. – заметил Саша. – Ты не думай. Я тебе желаю счастья, пап. Ты у меня ещё вполне ничего.

– Ну, спасибо. – усмехнулся Матвей. – Всё будет хорошо. Будем ещё счастливы. И я, и ты. Всё наладится. Просто временно пока... вот так.

Саша внутренне посочувствовал отцу и поклялся себе, что постарается принять случившееся. Не смерть мамы, конечно, – этого он пока никак не мог себе представить. Как вообще принять такое горе? Но сложную финансовую ситуацию, переезд, дом вместо квартиры – это Саша постарается принять. Ему скоро четырнадцать. Не младенец уже. Хватит сопلي распускать, его же не в интернат отдали, в самом-то деле.

Вообще, про интернат у него бы и мысли сроду не возникло. Он просто однажды услышал эту мысль из чужих уст. От соседки по лестничной площадке. Тётя Рита не со зла, а исключительно из заботы сказала Матвею, видя как он разрывается между наполовину беспомощным Сашей и больной напуганной женой:

– Матюха, ну ты бы Сашку хоть пока в интернат специальный отправил, что ли! Так ведь и спятить недолго. А у них там всё приспособлено для неходячих. И платные интернаты, в том числе, есть, – они очень хорошие. А то ты и сам мучаешься, и Сашка тоже в такой обстановке... у меня подруга в соц. службе трудится, могу узнать у неё, как лучше сделать.

Саше тогда показалось, что отец ударит соседку. Хотя тётя Рита помогала: и обед им, бывало, приносила. И с Таней сидела, пока Матвей был на работе.

Не ударил. Конечно, нет. Его отец был не из тех, кто бьёт женщин. Или кого бы то ни было, кто слабее его. Не ударил, но от дальнейшей помощи Риты отказался наотрез. Так оскорбило его предложение соседки. А Саша подслушал, получается. Он просто в этот момент был в ванной, где было слышно всё, что происходит в кухне. Помыл руки, выключил воду, и услы-

шал слова тёти Риты. И застыл – он даже и предположить не мог, что существует такая альтернатива.

Саша испугался, что Матвей, когда силы его совсем кончатся, всё-таки сбегит куда-нибудь сына. В теории имелись бабушки, целых две. И дед один был, по материнской линии. Но родители с ними почти не общались. Саша подозревал, что из-за него. Из-за того, какой он. Значит, оставался интернат.

Он испугался, и приготовился бояться постоянно. Думал, будет вздрагивать каждый раз, как только отец подойдёт, чтобы сказать Саше что-нибудь. Но продлилось это «постоянно» совсем недолго: маме стало хуже. Потом совсем плохо. И через пару месяцев её не стало. Ну а теперь, раз отец купил для них двоих дом, да ещё и пандус приделал – вряд ли он куда-то сдаст Сашу. Но и женится вряд ли. Наверняка эта Ира не выйдет за Матвея замуж тоже из-за того, что у него сын с ДЦП. Обидно, конечно. За отца обидно. Саше-то что? Саше наплевать. Про себя парень знал точно: он не женится никогда!

Папа давно ушёл разбирать остатки вещей. Саша объехал свою комнату ещё раз, подкатился к окну. Достал телефон, нажал в приложении «Мой дом» на иконку робота пылесоса, и услышал издали механический голос на английском языке. Всё в порядке. Ксёма на месте. Потом Саша подключит его базу к сети и, когда вещи будут разобраны, запустит по новому дому чертить схему, а потом уже и собирать пыль.

Все при деле. А чем заняться Саше? Обычно, когда не надо было делать уроки, он рубился в стрелялку по сети, читал книги, или тренировал руки, подтягиваясь. Тут турника не было. Хотелось надеяться, что не было пока. Отец всё так внимательно предусмотрел... а турник, почему-то, не установил.

Читать не хотелось.

– Пап! – крикнул Саша. – А тут интернет-то есть?

В том, что в доме есть свет, и прочие стандартные блага цивилизации, он уже убедился. Видел кухню справа от гостиной. Папа даже машинку посудомоечную уже подключил. Их собственную, из квартиры на проспекте Мира.

– Ты не кричи. – строго ответил Матвей, заглядывая в дверь Сашиной комнаты. – Если тебе нужно, сам подходи и спрашивай. Я занят. Чего ты хотел?

– Интернет? Есть?

– Есть, как не быть. Может, пообедаем для начала? Потом уже интернет?

Саша пожал плечами.

– Можно. А что на обед?

– Ну... раз у нас новоселье, можем, например, заказать пиццу.

– И колы!

– Ладно. – подавив недовольство, согласился Матвей. – И колы. Но только сегодня!

Отец некоторые продукты Саше есть и пить не позволял, насколько получалось. В список запрещённого входила и кола. Конечно, Матвей давал сыну денег в школу, чтобы тот мог купить что-то в буфете. Сашка отдавал деньги своему товарищу Владу, а тот на следующий день приносил ему чипсов и колы. В буфете было решительно нечего брать. Всё было прозаично и слишком скучно. Ну не булку же с творогом, в конце концов?!

Саша уговаривал себя, что эта ложь достаточно невинна. Все дети хотят есть и пить гадость. Зря папа так волнуется. У него же ноги не ходят, а не желудок отказывает.

Матвей заказал вкусную пиццу из двух половинок и литр колы. Саша ещё больше повеселел. Если сюда, в конец улицы с частными домиками, в подмосковном городе, возят доставку, значит не так всё и плохо.

На ужин они доели пиццу. Остаток вечера отец что-то искал в своём ноутбуке, устроившись на диване в гостиной. Саша уехал к себе в комнату и немного порубился в Mobile Legends по сети.

Скатавшись в туалет и в душ, убедившись ещё раз, что отец позаботился о нём по полной, – в туалете и в ванной тоже были приделаны новенькие поручни, в ванну крепилось специальное сидение, – Саша пожелал Матвею спокойной ночи и отправился спать. Он лёг, укрылся одеялом, и открыл на смартфоне фото матери. Таня, уже похудевшая, с отросшим ёжиком волос на голове, вызываяще улыбалась в камеру. Это было два года назад. Речь шла о ремиссии. Мама считала себя победителем. Ей ведь было для чего жить. Ну ведь было же! У неё была семья, любимая и любящая семья...

Саша перехватил слезу, готовую выкатиться из глаза. Задрал голову и закрыл глаза. Не будет он реветь! Что толку?

Слеза послушно осталась на месте. Не покинула пределы глаза. Всё равно, конечно, она предательски вытечет, раз уж так решила. Главное, не разреветься. И без толку, и неприлично пацану лить слёзы. Саша подышал глубоко и открыл глаза. Ему внезапно показалось, что в комнате он не один.

Саша никого и ничего не видел, и не слышал. Но ощущение, что в комнате есть кто-то кроме него было таким сильным, что по спине прошёл холодок. Он включил фонарь на телефоне и поводил лучом по комнате. Никого. А ощущение постороннего присутствия не исчезало.

Саше часто приходилось жалеть о том, что он не как все. Что ограничен в своих возможностях. Приходилось сожалеть по тому или иному поводу. Но сейчас Саша был готов отдать буквально всё, чтобы иметь шанс быстро вскочить с кровати на ноги, подбежать к выключателю и зажечь свет в комнате.

А потом вдруг Саше подумалось, что это может быть мама. Ощущение присутствия появилось, когда он открыл её фото на телефоне. Ничего плохого с ним не происходило. Никто не шумел, не пугал, не трогал Сашу. Вот и возникла мысль, а вдруг – мама. Но в какой форме? Духа? Призрака? Ангела?

– Мама... – нерешительно позвал он. – Мамочка, это ты?

И тут же всё пропало. Комната опять стала просто комнатой. И как Саше понять, мама это приходила к нему, или нет? У него до сегодняшнего дня не было вообще никаких представлений о том, что значит смерть для умерших. Было совершенно очевидно, что она значит для оставшихся.

Это боль. Гораздо более сильная, чем та, которая заставляет тебя чувствовать себя неполноценным. Не таким, как все. Неспособным встать и пойти. К боли от своих ограничений Саша, видимо, уже привык. Притерпелся. Но когда мамы не стало, он вдруг почувствовал, как тяжелеет что-то в груди. Сначала густеет, потом расширяется, далее крепнет и твердеет, а после устраивается поудобнее за грудиной тяжёлым камнем. Там, где была любовь к маме. Там, где были тёплые светлые чувства, взял и образовался тяжеленный булыжник – не вздохнуть толком, не глотнуть. Крики «Мама! Мамочка! Как же так?!» ударялись об этот камень и разбивались. И это тоже было очень больно. Саша кричал внутри. Не вслух. Наверное, поэтому так...

Но что есть смерть для них, для тех, кто уже столкнулся с ней лицом к лицу? Что происходит с умершими людьми дальше? Просто темнота и ничто? Или, to be continued?

Саша не особо верил в Бога в связи со своим нестандартным положением в мире и обществе. Если Бог есть, как он допускает столько кошмара на земле, которую сам и сотворил? И в те моменты, когда Саша думал о том, что всю жизнь проведёт в инвалидной коляске, слабо верилось в то, что есть какая-то высшая сила. Да ещё и высшая сила добра.

Родители Саши были просто людьми. Без фанатизма. Не пропагандировали атеизм, но и в веру не ударялись. Даже когда Таня заболела, она не развешивала иконы по дому, и в храм тоже не пошла. Может быть, мама и молилась – кто знает? В такой пугающей ситуации наверняка молитвы приходят на ум даже тем, кто прежде не думал о Боге. Какие-то, наверное, свои, на ходу сочинённые, молитвы.

Одно мальчик мог сказать точно. Ещё минуту назад мог бы наверняка. В комнате кто-то был. Или что-то. Это что-то не дышало и не шумело, но оно точно было. Такое невозможно пропустить. Нет, может кто-то толстокожий и не заметил бы. Но Саша был очень чувствительным мальчиком. Это дар и проклятие тех, кто не такой, как все.

Посопев и повздыхав, повспоминав маму, – фото он больше открывать не стал, было как-то жутковато, – Саша уснул. Он не был парализован – просто атрофия мышц ног. Поэтому Саше вполне по силам было удобно лечь на бок и укрыться одеялом с головой. Почему-то захотелось сделать именно так. А ещё Саша решил, что хочет ночник. В квартире у них был «Умный дом». Там свет включался по хлопку. Тут этого не было. Значит, нужен светильник на стену. Чтобы можно было зажечь свет самому и быстро.

Перед тем, как Саша уснул, его мельком посетила ещё одна мысль. Настолько мельком, – потому что перед самым сном, – что он её не запомнил. Уже проваливаясь в сон, он быстро и кратко подумал: «А вдруг это не мама? Вдруг в доме есть призрак?» Мысль пробежала краем и растворилась в ночи. Когда утром Саша открыл глаза, он не вспомнил об этом предположении. За окном чирикали птички, в окно настойчиво заглядывало солнце, проникая даже через шторы. Утро было ясным и тёплым. Не располагающим к думам о призраках. Призраки – сказки для ночи. Чтобы пугать непослушных детей.

Саша посетил ванную комнату, причёсался и прикатил в кухню. Вчерашний фастфуд доели вечером. Дома, в квартире, Саша легко мог приготовить яичницу, например. Яйца и масло находились в доступе – он мог достать из кресла. Плита была с детства знакомой и включалась легко. Тут была другая плита. Не такая наворочанная. И, кажется, не электрическая, а газовая. Саша приподнял белую крышку: точно газовая.

– Пап! – заорал он. – Я на такой не готовил ни разу! Поможешь?

– Иду! – послышалось из коридора. – Прости! Рассылал резюме. Надо срочно трудоустроиваться, а то пиццу не на что заказывать будет.

– Ясно. Просто я бы поел...

– Смотри. Это газ. Вентиль высоко, но его на день можно оставлять открытым. А тут просто поворачиваешь ручку и давишь одновременно. Давай покажу.

Матвей показал. Вроде было несложно. Саша попробовал пару раз, и газ загорелся. Языки огня весело замигали синеньким цветом.

– А когда надо выключить, то просто повернуть, давить не надо. – сказал Саша больше для себя.

– Гений! Гигант мысли! – Матвей поцеловал сына в макушку. – Что ты хотел готовить?

– Да хоть яйца, что ли.

– Варить? Жарить?

– О! А давай сварим! Всмятку!

Конечно, они промахнулись со временем варки и яйца получились недоваренными. Выбросили, и решили жарить. Пока Саша осваивал плиту, Матвей быстро нарезал бутербродов.

– Папа, можно мне кофе? – заканючил Саша.

– Вчера кола, сегодня кофе. Ты что, намерен эксплуатировать меня на полную теперь? Компенсации требуешь за переезд?

Папа говорил полушутя, но в глазах его была растерянность. Как будто он ещё до конца не понял, что теперь будет за всё отвечать один. В одиночку бороться с подростковыми капризами, в одиночку думать о Сашином будущем – его же надо как-то обеспечить. На потом. На то время, когда парень вырастет в мужчину, а Матвей состарится и умрёт. Нет, не совсем так. Вроде он и понял, что теперь один в поле воин. Но мысль эта пугает невероятно. Как будто Матвею нужно в одиночку, без снаряжения, покорить Эверест, и он вообще не представляет, как справится с такой задачей.

Кофе Саше он всё-таки разрешил. А после завтрака, когда Матвей загружал посуду в посудомойку, позвонил Борис. Бывший начальник.

– Я получил твой перевод. Спасибо. – сказал вместо привет.

– Так тебе спасибо-то. – хмыкнул Матвей. – Выручил.

– Я слышал, Матвей. Прими мои соболезнования.

Он сильно сомневался, что Борис звонил, чтобы выразить соболезнования. И даже поблагодарить за возврат долга. Борис был деловым человеком, хоть и другом детства. Одноклассником.

– Ты говори, зачем звонишь. Чего ты вдруг решил церемонии разводить?

– У нас Самойлов уехал. Эмигрировал. Место свободно. Интересует?

Самойлов был снабженцем. И иногда ездил в командировки. Матвей напрягся. У него Сашка. Одно дело, укатить на работу с утра до вечера, и совсем другое – на пару дней.

– Зарплата хорошая. – словно прочитав его мысли, сказал Боря. – Наймёшь приходящую няню.

– Я подумаю до завтра? – спросил Матвей.

– До завтра думай.

И Борис отключился.

– Пап, я хотел на стол поставить фото в рамке. Помнишь? Где мы втроём. В парке. А?

– А? – Матвей отложил телефон и посмотрел на сына. – Фото в коробке.

– В какой?

– Обычной. Картонной.

– Ну, окей, пап. А где она?

Матвей подумал и уверенно сказал:

– Я поставил её на буфет в коридоре.

Саша объехал коридор и вернулся в кухню:

– На какой, блин, буфет, пап!

– Не знаю. Какой-то старый. Я его выкинуть просто не успел, он остался от старых хозяев.

И поскольку Саша продолжил смотреть на него очень странно, Матвей спросил:

– Да что?

– Давай сначала. Может я не пойму, что такое буфет, и не нахожу поэтому. Что такое буфет? – спокойно спросил Саша.

Матвей, думая о том, соглашаться на место Самойлова, или нет, размашистым шагом вышел в коридор. И завис.

– А как это... чёрт! Может он не в коридоре?! Но я же помню...

Он растерялся. И даже струхнул немного. Вот тут стоял старый буфет. Узкий и невзрачный. И на него Матвей вчера поставил коробку с фотографиями и, кажется, документами. Какие-то бумаги в той коробке были. Может, Сашкины медицинские... но буфет!!! Где этот чёртов буфет сегодня?! Матвей прошёл к входной двери и проверил, заперта ли она. Закралась грешная мысль, что буфет украли ночью – кому он нужен?

Дверь была заперта. Буфета в коридоре не было. Коробки тоже.

– Возможно, мне показалось. Я что-то напутал. – начал размышлять вслух Матвей. – Допустим, буфет я видел где-то в другом месте, а мне показалось, что тут...

Ему нужно было как-то объяснить происходящее. Ну, хотя бы для того, чтобы просто не считать себя чокнутым.

– В каком – другом? – удивился Саша.

– Так я же... Саня, я перед покупкой смотрел несколько домов. Может оттуда и вылез этот буфет. Врезался в память, так сказать. И память перетащила его сюда. Других объяснений нет.

Матвей развёл руками. Мол, всё имеет простое объяснение. Не надо изобретать велосипед. И пугаться раньше времени не стоит. Никто не сошёл с ума, просто не было никакого буфета.

– Хорошо. – не слишком уверенно согласился Саша. – А коробка-то в итоге где?

Стали искать коробку. Методично обходя и объезжая все помещения в доме. Смотрели в шкафах, под кроватями, столами. В чулане – в доме имелся чулан. Коробки нигде не было.

– Так. Без паники! Я схожу в машину.

– Сходи.

Матвей вернулся через пять минут и доложил, что в машине коробки тоже нет.

– Супер! Ты забыл коробку в квартире. Да?

– Точно не забывал! – заверил Матвей.

На всякий случай он связался через риэлтора с новыми владельцами их прежнего жилья, и попросил вернуть коробку с фотографиями и документами, если вдруг где обнаружится.

Но это было в высшей степени странно, потому что Матвей помнил коробку тут, в доме. Помнил, как он занёс её и поставил... так, стоп! Если он не прекратит думать о мифическом буфете, он точно сойдёт с ума. А у Матвея сейчас есть дела поважнее.

– Саня, есть разговор! Мне звонил Борис...

– Да ну! Звал на работу? – обрадовался его проницательный сын.

– В общем, да. Вот только не на прежнюю должность. На другую.

Уловив неуверенность в голосе отца, Саша поинтересовался:

– И что, пап? Там меньше платят, на другой должности?

– Скорее, больше. – подумав, ответил Матвей.

– Так и соглашайся! Ты чего?

– Там командировки. Мне придётся уезжать. Не часто, и не далеко. Но без этого никуда.

Меня такая перспектива немного... смущает.

– В связи со мной? – уточнил Саша. – Ты боишься оставлять меня одного?

– Я тебя в любом случае не оставлю одного. Придётся нанимать няню.

– Пап! – возопил возмущённый Саша.

– Не «пап»! Это без вариантов. Днём тебя оставлять – это одно. Но на ночь... я не настолько безответственный.

Саша подумал. Работа отцу была нужна. Чем скорее, тем лучше. А няня... ну что, няня? Няню можно и потерпеть.

– Я согласен. – подавил вздох парень. – Няня так няня. Это же только на ночь?

– Ну, с вечера. С уроками помочь. Может, приготовить что-то.

– Хорошо. Согласен я, пап.

– Точно?

– Точно!

Да, приятного было мало. Какая-то чужая тётка будет приходить к ним домой и следить за Сашей. А учитывая его особенности, будет следить старательно. Соваться с помощью, где надо, и где не надо. Но если речь о работе отца, Саша был готов как-то это пережить. И даже не сильно огрызаться.

– Только я тоже буду выбирать няню. – сказал он Матвею.

Отец покивал, а сам подумал, что вряд ли тут будет большой конкурс. С виду всё плохо. Надо будет объяснять, что ребёнок у него гораздо более самостоятельный, чем кажется. Людей пугают... такие особенности. Но оставить Сашу на несколько дней одного Матвей не мог.

Он созвонился с Борисом и договорился, что приедет в офис прямо сейчас. Изучит функционал снабженца, прикинет свои возможности. Посмотрит, когда ближайшие командировки.

– С Ирой помиришься заодно. – подбодрил Саша, когда Матвей уже обувался.

– Мы не ссорились с Ирой. – пыхтя, ответил он.

Не слишком членораздельно.

– Чего? – не понял Саша.

– Того. – Матвей разогнулся, повесил на место рожок для обуви, одернул свитер. – Веди себя хорошо, говорю!

– А-а... это всенепременно. – парень карикатурно склонил голову перед отцом.

– Юморист. – фыркнул Матвей. – Если что, сразу звони!

И вышел из дома. Входную дверь он запер на нижний замок, повернув ключ дважды. Изнутри дверь открывалась с помощью поворотной защёлки, что было очень удобно. В принципе.

Матвей завёл машину и немного прогрел двигатель. Покрутил головой, чтобы убедиться в том, что выезд свободен. Сдал задним ходом, поворачивая руль вправо, не отрывая взгляда от зеркала заднего вида. Отлично! Теперь осталось выехать на дорогу. Матвей перевёл взгляд от зеркала вперёд, на дорогу через лобовое стекло, и сильно вздрогнул. Прямо перед капотом стояла женщина и недобро смотрела на него.

Чего он так испугался? Баба была совершенно обычной. Лет пятидесяти, может чуть больше – Матвей не особо хорошо разбирался в возрасте женщин. На тётке были обычные юбка и кофта, чуть выбивалась из общей картины косынка на голове. Косынка была ярко-красной, и завязана не под подбородком, а сзади, как у задорной комсомолки восьмидесятых годов, или даже ранее. Возможно, привычка так повязывать косынку пришла вместе с этой женщиной прямиком из прошлого. Ну, не прямиком, конечно, а по обычному временному пути. Как завязывала она платочек сзади в период своей комсомольской юности, так и осталась привычка с женщиной на все времена.

Матвей собрался уже высунуться в окно и спросить, чем он может помочь, когда женщина вдруг резко повернулась и ушла куда-то в переулок между домами. Откуда она вообще взялась? Когда Матвей озирался перед тем, как вырुлить на дорогу, вокруг не было никого. Он готов был поклясться, что не было.

Проезжая через пять секунд мимо переулка, куда направилась женщина в комсомольской косынке, Матвей увидел, что переулок пуст. И снова вздрогнул. И опять странная тягучая волна страха окатила его с ног до головы. Прошла по спине, заставив кожу намочить под свитером. «Перестань психовать!» – твёрдо сказал себе Матвей. – «Ты недавно похоронил жену. От такого может спятить кто угодно, а всё же не растекайся, братец! Держи себя в руках!»

Договорившись сам с собой таким образом, Матвей покатыл в сторону столицы. Он твёрдо решил, что с первой же зарплаты поставит вокруг дома нормальный капитальный забор вместо невнятной низкой ограды в которой нет ни калитки, ни ворот. Матвей купил дом по деньгам, о заборах он не думал. А вот сейчас почувствовал некий дискомфорт, думая о своём беспомощном сыне.

Он набрал номер Саши. Мальчик ответил сразу:

– Да, пап!

– Иди проверь дверь. Заперта ли.

– Папа, да ну ты чего? – начал канючить Саша. – Ну ты же закрывал, я помню!

Он просто уже залез в игру и отрываться совершенно не хотелось.

– Через десять минут проверю, ладно?

Ладно. Ему и без того не так, чтобы повезло в жизни. Матвей не хотел быть деспотом.

– Но проверь обязательно и сразу мне позвони!

Доиграв, Саша поехал в коридор. Дверь была заперта. Само собой! Он же помнил, как ключ повернулся в двери.

– Пап, всё в порядке. Сижу под замком.

– Отлично! – выдохнул в трубку Матвей.

Саша повернулся вместе с креслом, и у него вырвалось:

– Ох и нифига ж себе!..

– Что? Что такое? – заволновался Матвей.

– Всё в полном порядке! – бодро соврал Саша. – Я просто уже в комнате. Тут кое-что в игре у нас...

Он и сам не понял, зачем соврал. Может, чтобы отец не волновался. Чтобы не напугался и не повернул в сторону дома через двойную сплошную или встречу.

– Пап, ты не волнуйся. И я тебя жду.

Сбросив звонок, Саша положил телефон в большой карман широких штанов и посмотрел на старинный обшарпанный предмет мебели, который, наверняка, почти на сто процентов, назывался буфетом. На узкой полке – это же полка? – буфета стояла картонная коробка. Занятно. Что за чертовщина? Ведь час назад тут не было этого буфета. Не было же?

Саше не было страшно. Он почувствовал себя героем фильма ужасов, но пока без ужасов. Ну, или психологического триллера, где все дружно спятили. Саша подкатил к буфету, потянулся и взял коробку. Поставил на колени, открыл и убедился, что это та самая коробка, которую они с отцом искали.

– Спасибо! – предельно вежливо сказал парень в пустоту и поехал в свою комнату.

Страх не было. Но и оборачиваться, чтобы ещё раз взглянуть на таинственный буфет, почему-то совершенно не хотелось.

– Сомневаешься? – спросил Борис.

– Если бы не Сашка, я бы ни минуты не сомневался. – признался Матвей. – И работа мне вполне по силам, и зарплата более чем устраивает. Но эти командировки...

– Слушай, сколько твоему сыну лет?

– Тринадцать. Почти четырнадцать. А что?

– Да немало это, вот что! Вспомни нас в его годы. Мы уже считали себя абсолютно взрослыми. И сами были с усами. Нам никакие няньки были не нужны!

Матвей усмехнулся и внимательно посмотрел на Борю. Просто стоял напротив и смотрел с усмешкой. Молча. Борис тоже замолчал ненадолго, а потом сказал:

– Ну, да. Прости. Я забываю всё время.

Матвей понимал. Есть просто дети, а есть дети с особенностями. Никто и не обязан помнить.

Он помнил об этом каждую секунду своей жизни. Потому что у Матвея была не просто ответственность за сына, а особая ответственность. Мало ли что! Даже когда он уезжал всего на пару часов, или на восемь рабочих часов. Вдруг от коляски отвалилось колесо, Сашка упал на пол, и остался лежать на полу, беспомощным? Это было маловероятно, и Матвей постоянно проверял их, колёса эти. И спинку проверял, и сидение. И кресло было относительно новым, с чего бы ему колёса терять. И самое-то главное, Матвей мало кому мог объяснить, что это и есть его жизнь. Постоянные картинки в голове под кодовым названием «а вдруг». Он и сам на себя злился за это, но оставляя Сашу одного, Матвей никогда не чувствовал себя спокойно. Ни одной минуты. Няня, которая квалифицированно присмотрит за сыном, это хоть какое-то успокоение. Процента на два из ста.

– Боря, сколько времени у меня? На поиск сиделки?

– Ну, вообще, строго говоря, времени нет. Снабженец был нужен уже вчера. Но мы с тобой всю жизнь знакомы. До конца недели постарайся уладить свои дела, и в понедельник приступай. Успеешь?

Нужно было дать положительный ответ. А Матвей всё ещё колебался. Как дурак. Но ведь если сейчас отказаться от готового места в преуспевающей компании, то неизвестно сколько времени придётся посвятить поискам новой работы. Потом работа найдётся – допустим. Кто

ищет, тот всегда найдёт. И нужно будет привыкать к новому коллективу. К новому начальству и новым порядкам. И что с зарплатой, тоже ещё неизвестно. А тут...

– Я согласен, Борь. Только у меня просьба.

– Валяй.

– Если моё место вдруг освободится, могу ли я вернуться на прежнюю должность?

Борис подумал и сказал:

– Почему нет? Бабы же народ такой. Может замуж выйдет, может родит. Вот и освободится твоё место. Я не против. Только подберёшь себе замену в отдел снабжения.

Матвей радостно закивал и направился к двери. Пока шёл к выходу, соображал. На пороге обернулся и спросил:

– А кто сейчас на моём месте?

– Так Ирка. – спокойно ответил Борис.

– Ты назначил Иру начальником отдела продаж?

– Ну, да. Она отлично справляется, кстати.

– Не сомневаюсь. – кивнул Матвей. – А давно?

– Что – давно?

– Давно она отлично справляется?

– Матюх, чего ты докопался? У меня работы ещё вагон. Иди себе. В понедельник жду!

Матвей направился к кабинету, в сторону которого сегодня старался не смотреть. К своему бывшему кабинету. Ну, точно. Табличка гласила: Смирнова Ирина, руководитель отдела продаж. Он чисто символически постучал и вошёл.

– Привет.

И даже попытался улыбнуться как ни в чём ни бывало.

Саша проголодался и поехал в кухню. Коробку с документами он закинул под кровать. Задвинул с помощью швабры. Фото своей семьи, на которой они все были с улыбками до ушей, и не думали о плохом, Саша вытащил и поставил на свой стол. Если отец захочет тоже взять в комнату на стол или полку какую-нибудь фотографию из прошлой жизни – пусть выбирает сам. Саша почти не глядя вытянул рамку, стряхнул пыль рукавом и поставил. А смотреть не мог. И остальные фото в коробке тоже видеть не хотел. Больно.

Он открыл холодильник. Да уж. Папа не особо старался по части провизии. И про турник забыл. Ну, турник – ладно. Но из еды были яйца, молоко, сыр, помидоры и хлеб. И что Саше делать с этим набором? Опять яйца есть?

У Саши было приложение доставки продуктов и деньги на банковской карточке. Папа сделал ему карту в качестве дополнительной к своей. И какие-то небольшие средства там всегда были. Саша редко тратил деньги, в основном откладывал. Когда и где ему было их тратить?

Открыв карты в приложении, Саша уточнил адрес их дома. Гражданская 66. Он перешёл в доставку продуктов и убедился, что товары по этому адресу доставляют.

– Йес! – громко сказал мальчик, и сам испугался своего голоса.

В пустом доме он звучал слишком громко. И как-то... инородно, что ли.

«Надо музыку включить» – подумалось Саше. Так он и сделал. Врубил в своей комнате рок в колонки – ему нравился старый добрый рок. Сразу стало не так одиноко и мрачно. Подпевая Фредди Меркьюри на не очень хорошем английском, Саша кидал продукты в виртуальную корзину, и нажал кнопку оплаты. Пока мама болела, он стал спецом в процедуре заказа доставок. Всяких разных. Магазинов, кафе, аптек, и даже маркетплейсов. Иногда он думал, что все эти прекрасные доступные вещи были придуманы для таких, как он. Для людей с ограниченными возможностями. Придумали для них, а пользуются все.

Через сорок минут раздался звонок.

– Это курьер. Я не могу найти ваш дом.

– Шутите, что ли? – поразился Саша. – Чего там искать. Он в конце улицы.

– А... вот, вижу что-то. Просто на заборе нет номера. Да и забора у вас толкового тоже нет. Я вообще думал, тут не живёт никто.

– Тут живём мы. – пояснил Саша. – Я выезжаю вам навстречу.

– Выезжаете? – не понял курьер. – Вы не дома, что ли?

– Дома-дома. – успокоил Саша. – Выгружайтесь.

Он повернул вертушку замка два раза, открыл дверь и выкатился на крыльцо. Скатился с пандуса и поехал в сторону машины, которая виднелась за кустами и маленьким заборчиком. Парень выгружал из машины пакеты. Увидев Сашу в кресле, курьер почесал нос и смутился.

– Давайте я вам помогу.

– Да не нужно! Просто повесьте один пакет на ручку коляски сзади, а второй давайте мне на колени. И всё.

– А как ты сзади его потом заберешь? – спросил парень, переходя на «ты».

– Руками. Сильными накачанными руками. – сообщил Саша.

– Красава. Слушай, а вы давно тут? Я просто уже года два вожу, а сюда ни разу.

– Нет. Мы недавно. Но будем заказывать.

– Лады. Ну, я погнал. У меня там много ещё. Точно справишься?

– Абсолютно.

Курьер прыгнул за руль и дал по газам. Саша развернул кресло и резко остановил. Хотя кресло могло ехать дальше, по прямой, сразу после разворота. Но мальчик так сильно удивился тому, что увидел. Выехав навстречу курьеру, Саша оставил дверь в дом открытой. На ней не было доводчика, она отлично распаивалась. На улице не свирепствовал ветер. Каким образом закрылась дверь. Точнее, КТО её закрыл?

Как-то стало не по себе. И есть сразу расхотелось. Саша на мгновение завис, потом поудобнее переложил пакет на коленях и полез за телефоном. Не хотелось беспокоить отца – он уехал по делам, по поводу работы. Матвею явно сейчас не до Саши. И потом, его никто не просил выкатываться из дома. Сам виноват.

Сомнения разрывали Сашу на части. Но если не звонить, то что тогда? Что-что. Въехать на крыльцо и открыть дверь самому, а не забивать голову лишними вопросами «кто закрыл?» Саша нерешительно проехал в сторону дома несколько сантиметров. Дверь начала открываться. Медленно, без скрипа. Жутко и странно. Но явно не просто так, а навстречу Саше. Приглашая его вернуться обратно в дом.

«Ни за что не поеду!» – решил Саша. Дверь, которая открывается сама... да идите вы нафиг! Всё равно аппетит пропал. Зато на улице было тепло. Он вполне может подождать отца тут. Звонить Матвею Саша, конечно, не будет – ничего такого не случилось, чтобы папе названивать. Он просто посидит тут, недалеко от въезда. Ну, нет у него сейчас желания возвращаться в дом, куда ему так заботливо отворили дверь.

Саша повернулся к дому спиной. Снял с коленей пакет и поставил его на землю. Подумал. Наклонившись, нашарил в пакете упаковку пряников и маленький пакетик сока. Есть не хотелось, но мама всегда говорила: «Надо!» Вообще, он бы с удовольствием сейчас прокатился по этому городу Королёву, посмотрел, чем и как тут люди живут, но папа не дал Саше ключ от дома. Наверняка, где-то внутри ключ есть. Висит около двери. Или лежит на/в какой-нибудь тумбочке. Но проверять что-то не хочется... а оставить дом открытым Саше бы и в голову не пришло.

Он сидел в кресле, жевал пряник, запивал яблочным соком, и старался думать о хорошем. Например, о том, какая чудесная погода. Солнышко светит, на небе ни облачка. Саша налюбовался на ясное небо и решил осмотреться по сторонам. Совсем он дом без присмотра не бросит, конечно, но посмотреть, что находится рядом, самое время.

Повернув голову направо, Саша увидел пустырь. За пустырём виднелась автозаправочная станция. Саша посмотрел налево – там был переулок. А за ним – высокий глухой забор. Вот люди, пожалуйста вам, нормально огородились. Что бы там, за этим забором, не происходило – это их личное дело. А их с отцом дом стоял в глубине... непонятно чего. Явно не двора. В глубине участка земли, на котором ничего не росло. Тоже пустырь, по сути.

Саше снова стало не по себе. Опять вспомнилась старая квартира, их двор, район. Пацаны. Нет, он понимал, что ничего поделать сейчас нельзя. Уж кто-кто, а Саша давно уже знал, что такое «ничего не поделать». Он был инвалидом, которому придётся провести в коляске всю жизнь. А этот дом – Саша очень надеялся – временное явление в их жизни. Пройдёт время, отец заработает деньги и купит им квартиру. Нужно просто подождать. Если бы ещё не было так грустно... а теперь, к тому же, и страшно. Что не так с этим домом? Явно же что-то не так.

Первый звоночек был вчера вечером, почти ночью. В Сашиной комнате, когда он пытался уснуть. Он чувствовал, что в помещении есть кто-то кроме него. Саша даже объяснить не смог бы, КАК и ЧЕМ он это почувствовал. Кожей? Сердцем? Нет, не объяснить. Но ощущение было совершенно однозначным. Саша подумал про маму. Что-то ведь есть там, куда все в конце концов уходят...

Потом дурацкий буфет. Надо было сказать по телефону отцу про буфет. Или нет! Сфотографировать и отправить, вот что нужно было сделать. Так ещё не поздно... правда, в дом заходить одному не хочется. Точнее, заезжать... а если всё-таки сфотографировать буфет, но не заезжая внутрь, а прямо с крыльца? Дверь-то открылась.

Саша решительно развернулся и поехал в сторону дома, вытаскивая телефон, чтобы сфотографировать мистический буфет. Отправлять папе он его, конечно, не станет. Но когда Матвей приедет – Саша предъявит фотографию. А то мало ли. Может этот дурацкий буфет опять исчезнет...

– Привет. – как ни в чём не бывало улыбнулась Ира, вставая со стула.

Матвей готов был поспорить, что она с трудом сдерживает желание обнять его. Но почему-то сдерживает, тем не менее.

– Ты не думай. Я за тебя рад. – сказал он.

– Я не думаю. Я ведь тебя знаю, Матвейка. Ты очень добрый человек. И порядочный.

Ира тяжело вздохнула.

– Ир, почему ты перестала отвечать на мои звонки? Испугалась, когда Сашу увидела? Я ведь тебя замуж не зову, если ты не хочешь.

Она молчала.

– Ну? В чём дело?

Ира встала и отошла к окну. Встала к Матвею спиной. Боялась, что эмоции проявятся на лице, выдадут её. Когда она увидела Сашу, Ира не то, чтобы испугалась... чувства, когда она увидела мальчика, были совсем уж мерзкими. Недостойными приличного человека. Ира почувствовала какую-то... брезгливость, что ли. Поняла, что нужно остановиться, пока не поздно. Этого мальчика она не примет, не полюбит. Не согласится на то, чтобы он стал частью её семьи. Даже ради Матвея.

Ире и самой не понравилось то, что она почувствовала. Но что тут можно было поделать? Она даже не была уверена, что смогла бы растить своего такого. Не факт, что случись такое с Ириной, она не сдала бы больного ребёнка в соответствующее учреждение. А Матвей любит сына, поддерживает. Общается с ним, как с нормальным. Нет, она так не может! И не сможет! Каким бы симпатичным, умным и смыслённым не был Саша – это всё не для неё, нет! Ну все же разные! Понимать надо.

Сказать мужчине, которого ты почти наверняка любишь, какие ужасные мысли и чувства посещают тебя при виде его сына, невыносимо. Поэтому Ира и решила слиться по-тихому. Ведь Саша-то у Матвея на всю жизнь! Никогда парень не станет самостоятельным.

– Мне нужно время подумать, Матвей. Прости. – зачем-то сказала она, глядя в окно.

Потому, что поняла, как соскучилась. Хотелось плакать. Ну что же жизнь такая злая! Почему Ира влюбилась именно в Матвея! В человека, у которого сын с ДЦП. Неходячий. В инвалидном кресле.

– Ладно. – ответил Матвей. – Поеду я. Думай себе. В понедельник увидимся.

Ира обернулась и удивлённо посмотрела на него. Она подумала, что Матвей приехал к ней.

– Да-да. – невесело усмехнулся он. – Возвращаюсь на работу. На место Самойлова.

И не успела Ирина ничего сказать, Матвей уже вышел из её офиса. Ему было, собственно, всё ясно.

Дорога была относительно пустой, до дома он доехал быстро. И обнаружил Сашу во дворе. Настроение у Матвея было ни к чёрту. Он так и думал, что Ира охладела к нему после знакомства с Сашей. Его сын – вся его жизнь. Вот только о личной жизни, похоже, теперь придётся забыть! Кому нужен чужой ребёнок с инвалидностью?

– Ты почему тут? – накинусь Матвей на Сашу.

На ручке кресла висел пакет из супермаркета. Второй валялся в траве. Саша то ли ехал в сторону крыльца, то ли непонятно чем вообще занимался. В руках он держал телефон с включенной камерой. И на вопрос Матвея сначала ничего не ответил.

– Я тебя спрашиваю, чего ты вылез? И что тут происходит вообще?

– Я доставку получил. – вздохнул мальчик.

– Ну. Получил, а почему вы с ней во дворе тусуетесь?

– С кем?

– Да с доставкой!

– Пап, чего ты злишься?

– Ничего. – Матвей сбавил обороты. – Ничего. Так в чём дело? На кого ты тут с фотоаппаратом охотишься?

Он поднял пакет с травы, второй снял с кресла и пошёл в сторону дома. Ушёл, не дожидаясь ответа от Саши. Дверь, по-прежнему распахнутую, закрывать не стал. Для Сашиного удобства, чтобы ему потом не корячиться на кресле, открывая дверь.

– Буфет, пап! – крикнул мальчик в спину отцу.

– Чего? – не понял Матвей, выглядывая из дома. – Ты идёшь?

– Иду. – пробурчал Саша. – То есть, еду.

Нужно было поговорить об этом домике с папой. Срочно нужно было!

И конечно, никакого буфета в коридоре не было. Саша притормозил. Подъехал к тому месту, где видел буфет с коробкой на нём – хорошо, что успел её забрать. Подъехал, постоял, и подвинулся поближе к стене, внутренне зажмурившись. Саша ожидал, что наткнётся на невидимую, но преграду. Не получилось. Он проехал до самой стены. Потом обратно. Потом опять до стены. Пару раз Саша сдвигался влево-вправо, думая, что ошибся с местонахождением буфета.

– Чем ты занимаешься, сынок? – спросил Матвей.

Не хватало ещё, чтобы у сына к ДЦП присовокупилось какое-нибудь ОКР. Это же они совершают странные ритуалы, прежде чем войти куда-нибудь.

– Ничем я не занимаюсь. – буркнул Саша. – Как на работу съездил?

– Да в целом... неплохо.

– А конкретнее? Будешь работать там?

– Буду. Если найду тебе няню, которая вызовет у меня доверие. Обязательно буду. Сейчас мы пообедаем, и я займусь поиском.

Матвей выложил покупки, которые совершил без него Саша, на стол. Одобрительно крякнул. Сын даже курицу купил.

– Ну что, суп сварим?

Идея супа была встречена Сашей хорошо, и Матвей взялся за дело. Дело немного омрачалось навязчивыми мыслями, что теперь, после смерти Тани, ему придётся до конца своих дней готовить суп самому. Короче говоря, мрак, который накатывал на него в машине по пути домой после встречи с Ирой, снова попытался завладеть Матвеем. Но он не поддался. Включил телевизор, который прикрепил на стену в кухне, и в перерывах между немудрёными поварскими действиями, таращился в ящик изо всех сил. Пытался вникнуть в то, что происходит на экране.

А там шёл какой-то сериал, в котором у героя была насыщенная личная жизнь. В больнице умирала от рака жена. Дома же ждала любовница, которая уже проросла в жизнь героя. И по хозяйству хлопотала – даже умирающей жене бульоны варила. И с детьми была добра и ласкова. Детей было двое – мальчик и девочка. Ну, это уж как водится. Комплект. Дети были здоровы и веселы. Точнее, весел был мальчик, помладше. Он уже смирился, что место мамы заняла красивая тётя в шёлковом халате. Девочка была постарше и с потенциальной мачехой не ладила. И брату выговаривала за предательство матери.

– Да вы издеваетесь. – прошипел Матвей и вырубил телевизор.

Тут и овощи в супе сварились. Он позвал Сашу, и они поели. Мальчик ел без особого желания – перебил аппетит пряниками, да и настроение было так себе. Саша всё думал, с чего начать разговор о том, что дом кажется ему странным. Если честно, он был для своих почти четырнадцати слишком хорошо всё понимающим. И если Саша скажет отцу, что дом странный. Жутковатый даже. Буфеты то появляются, то исчезают. Дверь сама закрывается и открывается, как в фильме ужасов. А, и ещё же свои ощущения перед сном расскажет... так вот, если Саша всё это скажет, Матвей может подумать, что сын специально всё это придумывает. Потому что недоволен переездом. Потому что хочет обратно в Москву. Любой ценой хочет – Саша этого и не скрывал. А вот в то, что мальчик говорит правду, отец поверит вряд ли. И это пугало Сашу гораздо больше страшного дома. Именно это: что отец подумает о нём черт-те что!

– Саш... ты о чём задумался?

– Да так... ни о чём. Ну, что? Давай искать няню, будь она проклята!

– Сашка! Ты чего городишь? – возмутился Матвей. – Где ты вообще этого набрался?

– Прости. Просто не хочется мне с няней.

– Не бойсь. Не так уж часто это будет.

Саша очистил тарелки и загрузил в посудомоечную машинку. Матвей в это время изучал предложения нянь по городу Королёв на специальном сайте. Там люди ищут исполнителей для разного рода работ. А исполнители ищут заказчиков. Пробежавшись по списку специалистов, изучив у каждого профиля отзывы, Матвей подумал: «Годится». Он создал заказ, ничего не скрывая. Описал диагноз, особенности Саши, и его возможности. Когда дело дошло до выбора даты в календаре, Матвей задумался. О чёрт! Он об этом не подумал, но люди редко ищут работу, на которую придётся ходить изредка, подстраиваясь под график работодателя. А постоянную няню Матвей сейчас не мог себе позволить.

Он вернулся в описание заказа и уточнил, что выходить нужно будет редко. Только в период его командировок.

– Ну, всё. Ждём откликов. – бодро сообщил он Саше. – Чем хочешь заняться?

– Погулять.

– В смысле, на машине в Москву поехать?

– Нет, пап. – замотал головой Саша. – Погулять, город посмотреть.

– Хорошо. Поехали. – легко согласился Матвей.
Как раз, пока ходят гулять, кто-нибудь откликнется на заказ.

Улица Гражданская была какой-то нескончаемой. Даже Саша уже пожалел, что не захотел ехать на машине. Едут-едут, а всё Гражданская. По обеим сторонам улицы деревянные дома. Изредка кирпичные. Через каждые три-четыре дома переулки, ведущие куда-то вниз. Матвей с Сашей напротив одного из переулков остановились, но не решились свернуть туда. Оба, не сговариваясь, подумали о том, что если на этой горке перевернётся кресло, неизвестно чем это кончится для него. Для кресла, в смысле. Да и для Саши тоже. Поэтому покатали по улице. А она всё шла и шла, заставленная домами и деревьями, и, казалось, нет ей конца. Точнее, начала – номера домов шли на убывание.

Наконец они миновали дом под номером два и выкатились к автомобильной развилке.

– Да, блин. – сказал Саша. – А нам ведь ещё обратно ехать!

– Устал? Домой хочешь?

– Ну уж нет!

Они пересекли пару дорог, проехали пару торговых центров, и оказались на чём-то вроде привокзальной площади. Невысокие павильоны, через которые люди выходили к электричкам. Рядом магазинчики с продуктами. А за железной дорогой из нескольких полос виднеются высокие новые и красивые дома. Много новостроек.

– Что там? – мотнул головой Саша.

– Город Королёв же. Как и тут.

– Там – да. Там город. – сказал мальчик. – А тут, прости, пап, деревня какая-то.

На мосту, через который нужно было переходить на ту сторону, были рельсы для кресла. Но Саша, к большому облегчению Матвея, сказал, что они туда не пойдут.

– На машине надо было ехать. Съездим потом на машине?

– Конечно. – легко согласился Матвей.

Когда шли обратно, Саша увидел павильон с электротоварами и попросил у отца светильник на стену.

– Чтобы я – чик – и включил, если мне надо. Умного дома же нет у нас тут.

Матвей беспрекословно приобрёл бра с удобным креплением. Купил заодно запасных лампочек. Продавец уложил всё в пакет, Матвей поставил пакет Саше на колени, и они поехали в сторону дома. Знакомая уже дорога в обратную сторону показалась не такой длинной.

Оба вымотались и хотели спать, но Матвей решил заглянуть на сайт, посмотреть отклики. Дело было плохо. Откликов не было. Ни одного.

Саша уснул, едва его голова коснулась подушки. Светильник решили прикрепить уже завтра. Мальчик уснул крепким, но очень беспокойным сном. Во сне Саша шёл на своих двоих, почему-то здоровых, ногах по длинному коридору. В коридоре было темно. Он знал, что должен идти, но понятия не имел, куда. Саше казалось, что из темноты к нему тянутся руки, много разных рук. Страшных, серого цвета, с тёмными длинными ногтями. Он слышал шорох и сжимался, стараясь стать как можно меньше. Останавливаться было нельзя – его могли схватить. Но есть ли конец у жуткого коридора, было совершенно непонятно.

Саша хотел радоваться тому, что идёт. Сам. Но страх, который вселяли в него кошмарные твари, тянущие руки из темноты, лишали его этой радости. Рвали её на части своими когтями. Чёрными, длинными. Жуткими.

Саша выкатился из комнаты, чтобы поехать в туалет. Ночка была та ещё. Саше почему-то, как правило, не снились сны, в которых он ходил на своих двоих. Обычно не снились. А если такое случалось, то он наутро своё сновидение не помнил. Было ощущение, лёгкое,

мимолётное, что во сне всё было как-то лучше. Удачнее, что ли. Но что именно там было такое хорошее, Саша не мог вспомнить, как ни старался.

Сегодняшний сон Саша запомнил очень хорошо. Сон разделил его надвое. Одна часть была рада, что Саша ходил. Хотя бы во сне. И даже бегал. Вторая была напугана тем, где Саша шёл и бежал. Это было поистине страшное место. Нескончаемый коридор ужасов. Бр-р-р.

Проезжая мимо кухни, мальчик увидел отца за столом. Он сидел, подперев голову руками, волосы взъерошены. Перед Матвеем стоял открытый ноутбук.

– Пап... ты чего, не ложился, что ли?

– Ложился-ложился. – скороговоркой ответил Матвей. – Просто нужно было кое-что сделать в компьютере.

В компьютере нужно было много чего сделать. Найти няню – она категорически не хотела находиться. Матвей перерыл бонусом кучу сайтов, помимо самой популярной платформы. И ничего. Ещё Матвей просмотрел вакансии. Вдруг подвернётся что-то стоящее, где не надо будет ездить в командировки. И сиделку нанимать, соответственно, тоже не надо будет.

Ничего не находилось. И никто. Ни работа, ни няня. Матвей встал и посмотрел на Сашу:

– А ты чего проснулся в такую рань? Каникулы же. Спи себе.

– В туалет.

– Потом досыпать? Или всё?

– Да всё, наверное.

– Пойду тогда, светильник тебе повешу. Тебя как сегодня, кошмары не мучали?

– Н-нет...

Матвей прикрутил бра в комнате сына. Прямо над кроватью. Руку протяни, кнопку нажми, и будет свет, так сказать. Приготовил завтрак, сварил себе кофе покрепче. Вот вроде дом почти загородный, – правильно Сашка сказал, деревня, – а экология городская. Неполезная. Воздух грязный, тяжёлый. Не спится нифига. Матвей честно пытался нормально поспать. Сначала он полночи крутился с боку на бок. Спать не давали какие-то звуки. Казалось, что дом на ночь оживает. Днём спит, уступая пространство его обитателям. А ночью просыпается, и это его время. Дом живёт какой-то своей жизнью. Шуршит брёвнами, стучит дверьми, скрипит половицами. Хотя половицы-то скрыты под слоем паркета.

Шумы дома сменялись мыслями в голове Матвея, и он никак не мог уснуть. Мыслей было много, и ни одной весёлой. То он возвращался мысленно к Татьяне и в груди возникала щемящая тоска. То думал о работе – справится ли. Не накосячит ли от беспокойства за Сашку, оставленного с чужим человеком. Тут же мысли перескакивали на проблему: где бы ещё найти этого чужого человека. Ни одного отклика. Неужели из-за того, что график работы неопределённый? Потом приходили мысли об Ирине, и так по кругу.

Вроде как Матвей вырубился под утро часа на полтора, а потом проснулся и понял, что нет смысла ложиться спать дальше. Полез в ноутбук, обнаружил, что няня так и не нашлась, и совсем опечалился. Ну не оставлять же в самом деле Сашку одного дома! Это немыслимо.

– Пап, мне тут скучно! – Саша уже поел и теперь с недовольным видом смотрел на отца.

– Я что, похож на аниматора? Пригласи друзей в гости.

– Да никто сюда не поедет!

– Да неправда! Если друзья, то поедут. А если не поедут...

– Что? – с вызовом спросил Саша. – Если не поедут, то не друзья?

– Ну... я не хотел тебя огорчать.

– Пап... ты просто подумай... ну кому это надо?! Переться в какое-то село.

Матвей приготовил длинную тираду, чтобы защитить славный город Королёв, и в этот момент в дверь постучали.

– Ого. Ну вот. Уже кто-то пришёл. Ты кому-нибудь давал новый адрес?

– Кому? Я только вчера его узнал, когда доставку заказывал!

Снова постучали. Громче и требовательнее. Матвей пошёл к двери и открыл.

На крыльце стояла девчонка. Лет пятнадцати, плюс-минус. Симпатичная, но, как показалось Матвею, немного странная. Короткая стрижка с чёлкой, а из-под чёлки настороженный взгляд.

– Здравсьте. Я – Майя. Соседка ваша. А вы будете тут жить, да?

– А мы тут уже живём, да. Я Матвей. Очень приятно, Майя.

– А где ваш мальчик? Я его вчера в окно видела. – девчонка посмотрела исподлобья. – Я бы вчера пришла, но мама дома была. Не отпустила бы.

Матвей должен был пригласить девочку в дом – это было бы вежливо, как минимум. Но почему-то не спешил приглашать. Хотел... изучить, что ли.

– Почему не отпустила бы? Она не отпускает тебя гулять, и ты сбегашь, как узник замка Иф?

– Так себе трактовка Монте-Кристо, на самом деле. – фыркнула девчонка. – Книга круче. В разы.

– Читала Дюма?

– Я много кого читала. – с вызовом сказала Майя и сдула чёлку со лба.

– Пап, да кто там? – подъехал Саша.

– Тут девочка Майя. Соседка наша.

– А чего ты держишь её на пороге? – безмерно удивился мальчик. – Майя, входи. Я Саша.

– Очень приятно. – сказала девчонка.

Сделала шаг мимо Матвея и протянула Саше руку. А потом просто прошла в дом. Матвей крикнул. Когда это дети так вырастают, что приглашают девушек в дом, независимо от мнения взрослых? И когда успевают только?

Саша увёл Майю в свою комнату, спросив предварительно, не хочет ли она чего? Чаю? Кофе? Воды? Пряник? Девчонка рассмеялась и помотала головой. А потом снова стала серьёзной, а взгляд – настороженным.

В комнате она осмотрелась, подошла к книжной полке и спросила:

– Что сейчас читаешь?

Саша забормотал что-то типа «только переехали», «не было настроения», «всё давно прочитал, а новых не купил».

– Ясно. Я всегда читаю. В инете очень быстро тупеешь. Не хочу.

– Респект! – сказал Саша. – Да я тоже не особо в инете сижу. Так, в стрелялку порубиться по сети только.

Майя подошла к столу и, не обращая внимания на комп, взяла рамку с фотографией.

– Мама твоя? Красивая.

– Поставь... – он сглотнул ком, который моментально образовался в горле. – Поставь на место, пожалуйста.

– Ясно. Соболезную.

Она всё поняла без слов. Ничего себе!

– Как ты поняла?!

– Тебе больно. Ты даже побледнел. Когда речь о живом человеке, эмоции другие.

Всё-то ей было ясно, этой Майе. Удивительно даже.

– В каком доме ты живёшь? – решил перевести разговор Саша.

– В обычном. В шестьдесят четвёртом.

– Почему ты сказала: «В обычном»?

– Просто. – она пожала плечами.

– Странно... мне показалось...

– Что?

– Прозвучало не просто.

Майя поколебалась, потом огляделась по сторонам. Саша догадался: ищет куда присесть. Стула не было. Ему ведь не нужен был стул, а о гостях-то он и не подумал...

– Есть только кровать. Подойдёт? Она удобная.

– Годится. – решила Майя и легко присела на край кровати. – В общем, ты только не говори никому. Это слухи, и никто ничего толком не знает. Потому что было это сто лет назад.

– Да что было-то?! – с замиранием сердца спросил Саша.

– В этом доме когда-то случилось страшное, жуткое убийство. И с тех пор люди тут не задерживаются.

– Как понять, не задерживаются? – потрясённо спросил Саша. – А куда они деваются?

– Это долгая история. И никто не знает, что из этого всего правда, а что – страшилки. Но что знаю, я расскажу. Готов?

Саша подкатился к Майе поближе и кивнул. Было жутко интересно. А точнее, и интересно, и жутко!

– Сто лет – это же не буквально? – спросил он.

Соседка всё не начинала рассказывать. Медлила. Потом сказала:

– Это не буквально. Дом построили лет пятьдесят назад. Или семьдесят. Тогда-то всё и случилось... – Майя помолчала и вдруг предложила. – Слушай, я не хочу говорить об этом тут. Может на улицу пойдём?

– Ты что? – обиделся Саша. – Папа никогда не будет подслушивать.

– А я ничего такого и не думала. Ладно... слушай. Может и ничего. Сейчас ведь день.

И она наконец-то начала рассказывать.

«Дом в прошлом веке построил для себя какой-то то ли писатель, то ли художник. Он создал один единственный шедевр, вписавшийся в общую картину страны, и на волне этого успеха получил свои плюшки. Глоток славы и мешок денег. Дом был построен в качестве дачи на природе – тогда тут, в Болшево, было ещё тихое и спокойное место, вполне себе загородное. И хотел этот деятель искусств в тени деревьев и на свежем воздухе, дальше творить. Создавать прекрасное. Но что-то пошло не по плану...»

– Что могло пойти не по плану? – встрял Саша. – И кем всё-таки был дядька: писателем, или художником?

– Слушай, эту страшилку передают из уст в уста уже полвека. Или больше. Кто его знает, кем он был? Может, скульптором вообще каким-нибудь. Или композитором. Ты будешь слушать, или нет?

– Да буду-буду. Продолжай.

«Первое время всё ещё было ничего. У мужика имелась семья, и они его поддерживали. Но в конце концов, под грузом нескончаемых творческих мук, он начал выпивать, и жена ушла, забрав детей. Вдохновение не вернулось к хозяину дома даже через страдания по потерянной семье. Какое-то время он ещё жутко мучился: ни работы, ни любимых людей рядом. И однажды этот человек обманом заманил свою семью в дом. То ли наврал, что создал очередной шедевр, и хочет поделиться с близкими. То ли просто пригласил их подышать свежим воздухом, отдохнуть от шумной Москвы. А тут, в доме, прирезал и жену, и двоих своих детей. А потом их кровью и правда что-то создал. Поди теперь узнай, что это было за «что-то» – картина, или рассказ. Милиция, наверняка, знает... точнее, знала. Вряд ли кто-то остался с того времени. Ну, а когда он завершил своё кровавое творение, то покончил с собой.

Дом долго стоял, никем не занятый. Потом его кто-то купил, и сделал ремонт. Но жить не смог. Тут никто больше не мог жить. Другое дело, что покидали этот дом все по-разному. Кто-то просто бежал в ужасе. А кто-то оставался навечно. Несчастные случаи, причём до крайности нелепые. Например, одному хозяину дома упал на голову горшок с цветком. Он свалился от неожиданности, и шарахнулся затылком об пол с такой силой, что умер. Кто-то захлебнулся в ванной. Кто-то, рассказывают, просто умер от страха. Сердце лопнуло в груди. Нашли с гри-

масой ужаса на лице. Последний, кто купил дом, хотел его снести и построить новый. Это уже было при мне. Вот только не получилось у него нифига!»

– Как это, не получилось? – потрясённо спросил Саша.

– А вот так! Ренат его звали. Хороший такой дядька, позитивный. Ему, как и вам, этот дом впарили.

– Но нам-то, получается, твой позитивный Ренат его и впарил...

Саша задумчиво смотрел мимо Майи. Она категорично сказала:

– Во-первых, он не мой. А во-вторых, тут уж каждый сам за себя. Ренат столько техники угробил, когда пытался снести дом. Я из окна видела. Экскаватор поднимает ковш, и всё. Клинит намертво. Не знаю, может когда он отсюда уехал со свёрнутым набок ковшом, его где-то и расклинило, но смотреть на это всё было забавно. Хотя и жутковато, конечно!

– То есть, ты намекаешь, что в этом доме живут призраки? Писателя и его семьи?

– Я тебе не намекаю. – фыркнула Майя. – Я тебе открытым текстом говорю, что с домом неладно. А уж чей тут живёт призрак, и живёт ли – я точно сказать не могу. И писатель ли это вообще был, и он ли построил этот дом – тоже никто точно не знает. Зато я знаю, что Ренат продал вам дом куда дешевле, чем покупал сам. Он к нам приходил, матери жаловался. Но что было делать?

– Ну, да. С паршивых овец хоть шерсти клок. – с горечью ответил Саша. – Козёл он, твой Ренат! О таком предупреждать надо.

– Предупредишь – не купит никто. – вздохнула девочка. – Поехали может на улицу, всё-таки? Неуютно мне тут, хоть что ты мне говори!

Саша ничего ей не говорил. Он пока находился в шоке. Переваривал. Что из всего рассказанного правда, а что – домыслы соседей? И кем был тот загадочный псих, порешивший всю свою семью, включая себя самого? Писателем? Художником? Или просто шизофреником? Кто в здравом уме может так поступить с собственными детьми?

У Саши вдруг в голове возникла страшная картинка. Его отец сходит с ума от горя и тоски по ушедшей Татьяне, и хочет убить его. Своего сына. Вот он берёт большой кухонный нож, и идёт прямо на Сашу. Мальчик пытается укатиться от безумного Матвея, но куда ему на этом кресле! Простор для побега ограничен стенами дома. И вот уже некуда больше катиться. Саша поворачивается и умоляет папу не делать этого. Но в глазах Матвея нет ни капли нормальности: они черные и совершенно сумасшедшие. Вот отец приближается и заносит над ним большой нож с длинным острым лезвием...

Саша стряхнул видение. Вытряхнул из головы, как мусор из мешка. Какой он, однако, впечатлительный... но что, если... что, если это не просто видение, а пророчество? И это случится, если они с Матвеем останутся в этом странном домике? В котором снятся кошмары. Ощущается присутствие кого-то в темноте. Исчезает и появляется мебель.

– Пошли на улицу. – выдавил из себя Саша. – Точнее, поехали.

Когда они проезжали мимо кухни, Матвей поднял глаза от компьютера:

– Далеко?

– Просто на улицу.

– Далеко один не катайся. – предупредил отец.

И посмотрел на Сашу своими ясными, разумными глазами. Разве что уставшими, с тенью недосыпа в углах.

– Да я и не один. – буркнул Саша.

– Обедать приходи. – крикнул ему вслед Матвей. – И ты, Майя, тоже приходи, если хочешь.

Саша проехал весь двор, не оглядываясь, и почти выкатился на дорогу. Притормозил. На дороге, хоть и не часто, но появлялись машины.

– Куда ты так стартанул! – догнала его запыхавшаяся Майя. – Что с тобой?

Саша развернулся и посмотрел на неё. Она дышала, словно кросс пробежала. Километр.

– Физру не любишь, да? Не ходишь на неё?

– Откуда... ну, я больше литературу люблю. А от физры у меня освобождение.

– Дура! – почти крикнул Саша. – У тебя есть рабочие ноги! Ходи на физру. Почему, почему вы не пользуетесь тем, что вам дано?! Я не могу, даже после всех чёртовых реабилитаций, не могу! А ты-то что?

– Да какое тебе дело? – возмутилась Майя. – Чего это ты вообще тут разорался?

Саша выдохнул. Потом сказал уже гораздо спокойнее.

– Ничего. Прости.

– Этот дом влияет на тебя. – учительским тоном сказала Майя.

Так, если бы она была классухой, и назидательно говорила бы тихому двоечнику Петрову, который вдруг начал хулиганить: «Этот Сидоров плохо на тебя влияет!» Саше стало смешно, и он фыркнул.

– Влияет-влияет. – повторила Майя. – Ты сходишь с ума. То орёшь, то смеёшься.

Саша посмотрел на девочку нормальным, не по годам разумным, взглядом, и сказал с грустью:

– Лучше бы ты мне ничего не рассказывала!

– Ты чего обедать не идёшь? – высунулся из дома Матвей. – Сидишь и сидишь там уже три часа.

Чего он обедать не идёт... может сейчас самый подходящий момент, чтобы сказать отцу, как его пугает этот дом? Пугает с первой ночи, хоть Саша старательно уговаривал себя не бояться. Он думал. Даже лоб от напряжения стал побаливать.

– А где девочка Майя. – спросил отец.

– Майя улетела. Ушла к себе домой, в смысле. – Саша подкатился к крыльцу. – Нашёл няню?

– Пока нет.

– И не найдёшь! У дома дурная слава.

– Чего-о? – у Матвея глаза полезли на лоб. – Какая ещё слава?

– Тебе впарили дом с привидениями.

Отец помолчал немного, а потом расхохотался.

– С кем-с кем? С чем? Иди обедать, юморист! После обеда поедem к врачу.

– К какому?

– К нашему, в Москву.

Ну, и то слава Богу. Хотя бы сельские доктора Саше не грозят. Нет, он ничего против них не имел, и Королёв, говорят, всё-таки город, но своя, родная Ксения Витальевна, прекрасный врач-невролог, – это уже как семья. Саша наблюдался у неё, и сам уж не помнил, сколько.

Проезжая коридор, Саша покосился на пустую стену. Ну и где вы, распрекрасный старинный буфет, когда вы так нужны? Хотя, неверующий папа сто процентов бы сказал, что всё ерунда. И буфет тут так и стоял.

– А ты чего такой хмурый, Саня? – спросила Ксения Витальевна, осмотрев его.

– Да... мы переехали... – начал говорить Саша, и вдруг осёкся.

Ксения Витальевна была неврологом в поликлинике по их прежнему месту жительства. Саша ходил к ней абсолютно бесплатно, по полису. А вдруг он сболтнул лишнего? Вдруг теперь

им точно придётся переводиться в другую поликлинику? В Королёв? Или, как там? Переприкрепляться?

Доктор, однако, не обратила внимания на то, что они переехали. Она ждала от Саши причину. Почему он без настроения. Мальчик был одним из её любимых пациентов. Ксения восхищалась такими детьми, которые ездили на инвалидных колясках, и при этом улыбались во весь рот. Не старались скрючиться и скиснуть, напроситься на жалость, а жили, и радовались тому, что живут. Да, ограничены в возможностях, но живут! И видеть Сашу таким кислым ей было непривычно и странно.

– Так... переехали, и что?

Что? Рассказать неврологу, что в доме появляется-исчезает мебель сама по себе, а соседи из уст в уста передают страшилки о нём? Нет. Невозможно. Направит к психиатру. Психика всегда под угрозой у таких, как он.

Саша постарался непринуждённо улыбнуться и сказал:

– По друзьям скучаю. На новом месте не обзавёлся ещё.

Вернулся Матвей, который ходил ставить штампы на рецепты.

– Вы всё?

– Да. Всё в порядке, ухудшений нет. – задумчиво сказала врач. – Приезжайте через месяц, если ничего не будет беспокоить. На реабилитацию, я так понимаю, вы пока не собираетесь?

– Да помогало бы! – в сердцах сказал Матвей. – А то уже сколько мы их прошли, и ничего... вот если бы хотя бы без денег, по квоте. А, Ксения Витальевна?

– Да можно, конечно! Только уровень другой. Уж простите. Давать направление? – она открыла страницу в программе на компьютере.

Матвей задумался. Пока не очень с деньгами, можно сходить и на бесплатную реабилитацию. Но тут Ксения права. Уровень ниже в разы. Да и когда Сашку возить, если Матвей собирается выйти на работу?

– Туда ездить надо? Или стационар?

– Матвей, перестаньте так шутить. – иронично сказала доктор. – Санаторий, угу.

– Я понял. Саш, ты как? Сильно хочешь на реабилитацию?

Саша, думавший о своём, подключился к разговору:

– Не сильно. Я турник дома хочу – ты мне не сделал. И ещё, Ксения Витальевна... выпишите мне снотворное!

И отец, и врач на мгновение лишились дара речи. Потом Ксения спросила?

– Зачем тебе снотворное? Ты же сказал, более нет.

– Болей нет. – мотнул головой мальчик. – Но мне тревожно. Я хочу снотворное!

– Хороший мой... – огорчилась Ксения. – Я не могу выписывать снотворное просто потому, что ты расстроен. Переездом, или чем бы то ни было. Могу... могу дать направление к психиатру. Но я думаю...

– Давайте. – решил пойти ва-банк Саша. – Давайте направление к психиатру.

Матвей и Ксения переглянулись, а потом отец решительно взялся за коляску, и развернул к выходу из кабинета:

– Спасибо, Ксения Витальевна. Мы придём через месяц.

– Саша, ты всегда можешь позвонить мне на мобильный! – крикнула вслед доктор. – До свидания.

Господи Боже ты мой, что с мальчиком?! Куда они там переехали?

Думать Ксении было некогда. В кабинет зашёл следующий пациент.

– Ну, и что ты там устроил? – недовольно спросил Матвей в машине.

По пути к авто он молчал. Саша тоже молчал. Как же напугала его чёртова Майя! Откуда она взялась только... Саша искренне надеялся выпросить таблетки для сна у Ксении Вита-

льевны. Чтобы крепко спать, не чувствовать ничьего присутствия, и кошмаров тоже, желательно, не видеть.

– Ничего я не устраивал. – вздохнул Саша. – Поехали.

Матвей покосился на сына и завёл двигатель. Справится ли он с этим? Справится ли с такой ролью: быть отцом особенному ребёнку. Ребёнку с ДЦП. Он справлялся раньше, потому что рядом была Таня. А теперь... сам, один – справится? Что-то Матвей уже начал сомневаться.

До самой ночи Саша с отцом едва перекинулись парой слов. Мальчик, очевидно, надулся. Обиделся. Матвей думал свои невесёлые думы – ему было не до разговоров. Думал о своей повышенной ответственности, которая раньше была разделена на двоих. Казалось бы, Татьяна последние месяцы была ему вообще не в помощь. Больше в тягость. Но сам факт, что она была! А теперь всё сам. Трудно и пугающе. Ещё и дурацкая няня никак не хочет находиться.

Разошлись по своим комнатам. Саша надел наушники и немного порубился в стрелялку. Потом выключил компьютер, съездил в туалет, и собрался ложиться. Спать он решил с ночником. Отец же не станет настаивать на том, чтобы свет был погашен? Какая ему разница. Спальня Матвея рядом с кухней, а от комнаты Саши находится на приличном расстоянии. Ему никак не может помешать этот ночник.

Саша лёг на спину и какое-то время смотрел в потолок. Потом повернул голову к стене и посмотрел на светильник. Ему показалось, или лампа... замигала. А ещё, в комнате стало как-то прохладно. Он что, открыл окно, и забыл? Ну, вот. Теперь снова перетаскивать свою задницу в кресло, чтобы закрыть окно. Не звать же отца из-за собственной глупости.

Саша колебался. Так не хотелось перемещаться в кресло... он посмотрел в сторону зашторенного окна. Нет, так не видно, открыто, или нет.

Пискнул компьютер, включаясь. Саша напрягся. Он уже повернул голову лицом обратно в потолок, но на звук компьютера нужно было снова повернуться в сторону окна. Между кроватью и окном, у стены стоял стол с монитором и клавиатурой. Боковым зрением Саша видел, что монитор горит. Прямо взглянуть туда он боялся. Очень боялся.

Защёлкала мышка. Послышались звуки игры. Ночник – это мало. Очень мало. Чтобы осветить комнату, нужен верхний свет, а Саша не может подскочить и включить его. Господи! Как же страшно! Mamochka, pomogi! Он зажмурился и повернул голову. Потом приоткрыл один глаз и увидел...

На его инвалидном кресле за столом сидел мальчик. Его ровесник, примерно, может, чуть старше. Он не трогал руками мышь, но та двигалась. Игра на мониторе шла каким-то своим чередом, а именно, Сашу уже раз пять убили. Мальчик повернулся к Саше:

– Интересная игра. В наше время компьютеров не было.

Он не выдержал. Заорал, как орут девчонки, увидев мышь или паука. Закрыв голову одеялом, как бы спасаясь от странного гостя, сидящего за его столом, и завопил, что есть мочи. Саша думал, что не сможет закричать, но у него получилось. На крик прибежал Матвей:

– Что случилось? Что с тобой?

У Саши началась истерика. Но стыдно, что он ведёт себя, как девчонка, уже не было.

– Я не буду тут жить! Не буду! Отвези меня домой! – истерически выкрикивал мальчик.

– Да куда я тебя отвезу! – заорал Матвей, нервы которого тоже были уже не пределе. – Нету у нас больше квартиры! Приди ты в себя!

Саша подавился своим очередным воплем и замолчал. От неожиданности. Отец никогда на него не кричал. Нет, чуть повысить голос, или заговорить строгим тоном, он мог. Но чтобы так зло наорать... не случалось подобного раньше. Ни разу.

– Пришёл? – спросил Матвей спокойным тоном.

– Да. – выдавил из себя Саша. – Дай мне кресло. Оно возле компьютера, я не достану сам.

Комнату освещал тусклый свет настенного светильника. Матвей посмотрел на компьютерный стол, но кресла там не обнаружил. Сашка шутит над ним, что ли? Он перевёл взгляд туда, где сын обычно парковал своё транспорт. Кресло было на месте – около кровати, в ногах.

– Кресло на месте. Что ему делать около компьютера? – недовольно сказал Матвей. – И, кстати, что это были за вопли? Кошмар приснился?

Саша, помогая себе руками, сел на кровати. С великим изумлением таращился он на кресло, которое совершенно точно стояло около компьютерного стола. А в кресле сидел подросток, появление которого в спальне и ввергло Сашу в пучину неконтролируемого страха. Ужаса.

– Саш... тебе кошмар, что ли, приснился?

– Пап, посмотри, пожалуйста, компьютер включен?

– Чего?

– Посмотри! – умоляющим тоном сказал Саша.

Матвей подошёл и взялся за мышку. Тут, около компьютера, было странно холодно. Словно он перешёл из одного помещения, отапливаемого, в другое, неотапливаемое. Мужчина подвигал мышь и сказал:

– Всё выключено.

Потом он подошёл к окну и проверил, закрыто ли. Окно было закрыто. Матвей вернулся к компьютеру – холод уже ушёл. Исчез. А был ли? Или, показалось спросонья. Он вообще нормально уснул впервые за эти дни. И тут же был разбужен криком.

Нехорошо, конечно. Сорвался. Закричал на сына.

– Саня, так ты скажешь, чего так орал? Сон страшный, или что?

Мальчик молчал, отвернув голову к стене.

– Сашка, ну прости! Я не хотел орать. Просто ты меня напугал.

– Всё нормально, пап. – каким-то вымученным голосом сказал Саша. – Спокойной ночи.

– Ты не расскажешь?

– Что?

– Ну... что тебе приснилось?

– Папа... иди спать. Я устал.

Матвей помолчал немного. Хотел даже почесать голову, но воздержался – чего её чесать, когда никто не смотрит?

– И чего будил?! – пробормотал он.

И ушёл.

Саша лежал и ждал. Спать всё равно больше не хотелось. Не факт, что вообще когда-то теперь захочется. Он ждал, когда снова замигает лампочка, и в комнате опять появится призрачный мальчик. Предположительно, невинно убиенный своим отцом.

Взгляд Саши был прикован к ночнику. Он подумал, что это вряд ли случайность – лампочка мигала не просто так. В электричестве возникли помехи из-за появления рядом энергии, которой тут быть не должно. Можно принимать такие проявления, как сигнал. Замигал свет – жди кровавых мальчиков. Этот, кстати, выглядел не страшно. Саша, правда, толком не разглядел его. Вроде, в пижаме. А может это просто костюм такой, несовременный. Волосы русые, средней длины, с пробором. Лицо... лицо как лицо. Обычное, какие бывают и подростки. Вроде, парень был босиком. Но это не точно. Сашино сознание успело ухватить часть картинки, но не всю.

Под утро он вырубился. Никто не пришёл, и лампа не мигала. Матвей пришёл к нему в комнату в двенадцать дня:

– Мне нужно отъехать по делам. Ты чего, решил на пожарника сдать?

– Ха-ха. – пробормотал сонный Саша. – Езжай по своим делам.

– Я тебе завтрак оставил на кухне.

- Угу.
- Саш... ты здоров вообще?
- Вообще, нет. У меня ДЦП.

Весь долгий день в одиночестве Саша ловил себя на мысли, что ему любопытно. Увидеть снова ночного гостя. Поговорить с ним. Да, было страшно. Не описать словами, как! Но сквозь этот густой тёмный страх пролезало любопытство. Царапалось острыми коготками. Требовало его удовлетворить.

Он полез в интернет, искать информацию. Что произошло в этом доме то ли пятьдесят, то ли сто лет назад. И ничего не нашёл. Как так? В интернете же имеются подборки старых газет! Если этот дядька и правда был знаменитым, а потом совершил такое – должны же были об этом где-то написать. Или нет?

Каких только запросов не вводил Саша в поисковик. И... ничего. О доме номер шестьдесят шесть по улице Гражданской в городе Королёве не было никакой инфы. Никаких ни старых, ни новых статей. Ни даже заметок. О деятелях искусства, совершивших во времена СССР страшные преступления, тоже ничего не было. Точнее, было, но не то, что Саша надеялся найти.

Отец приехал поздно и привёз пиццу. Извинительную, видимо.

– На свидании был? – поинтересовался Саша.

– Именно на нём. Сначала ездил к бабушке с дедом. Потом в агентство по подбору персонала.

– Вижу, прошло не очень...

– Не очень.

– Не берут меня бабка с дедом? – усмехнулся Саша.

Родители Татьяны Сашу действительно брать не хотели. Даже на время командировок зятя. Держались враждебно. Словно их дочь сгрыз не рак, а непосредственно сам Матвей. Он понимал, что старики горюют. По-своему. Как-то горюют, наверное, по дочери, с которой они не хотели общаться при жизни. Понимал, что они хотели полноценного внука. К такому они не были готовы, вот и абстрагировались. И понимал, и... нет.

Но Матвей не собирался обсуждать это с Сашей. Кивнув на коробку с пиццей, он сказал:

– Твою любимую взял.

Мальчик сдержанно поблагодарил отца. Быстро поел и уехал в свою комнату. Там по-прежнему ничего не напоминало о ночном происшествии, кроме одного: Сашиного профиля в компьютерной игре.

Он не сразу вспомнил про Mobile Legends – был занят поисками историй ужасов в интернете. А когда под вечер вспомнил, и зашёл в игру – там уж и наслушался по полной от игровых партнёров. Саша извинился, свалил всё на глюк, вирус, цунами, землетрясение, и достойно сыграл пару раундов. Реабилитировался.

Наступила ночь. Саша сообщил отцу, что будет спать, а сам остался сидеть в кресле. Сходил в туалет, и потому что всегда катался туда перед сном. Ну, и для профилактики. Чтобы не описаться от страха, например.

Ждать пришлось недолго. Заморгал ночник. Потянуло холодом. Саша резко развернул кресло в ту сторону, откуда ощущался этот холод. Почти мороз. Саша сложил губы трубочкой и дыхнул – пошёл пар. Ну и дела!

– Меня ждёшь? – спросил знакомый уже голос.

– Слушай...

Саша и сам не понимал, где он взял силы на то, чтобы просто заговорить. Спокойным тоном. Словно нет ничего более обыденного, чем общаться с призраком. Но сказать было нужно:

– Я тебя очень прошу: не играй больше в мою стрелялку.

Он вышел из тени. Вот же чёрт возьми! Он действительно тут. Обычный парень. Совершенно обычный. Старомодно одет и пострижен, но больше в нём с виду не было ничего необычного. Или страшного. Только в комнате здорово похолодало. Чего от него ждать – этот вопрос, конечно, был самым важным.

– Ладно. – сказал призрачный мальчик. – Я всё равно не люблю такое... кровавое. В чём смысл твоей тупой игры?

– Она обычная. – сглотнув ком, сказал Саша. – Сейчас все в такое играют.

– Меня зовут Юра. И я рад, что ты сюда приехал. – призрак подумал и добавил. – Папаша не рад. А я – да.

– Очень приятно. – фальшиво сказал Саша. – А я...

– Ты – Саша. Я в курсе.

– Ты меня чертовски пугаешь. – слегка дрожащим голосом сказал Саша. – Это же ненормально. Почему ты тут?

– Скорее, паранормально. Пугаю я его... привыкай! Я тут давно. А ты только появился.

– Ты расскажешь?

Саша имел в виду историю Юры. Кто он? Правда ли мёртв? И почему парень тут давно? Да, и про папашу, конечно... имеется ведь ещё какой-то папаша. Не тот ли самый, который порешил всю свою семью. И детей не пожалел. Не пожалел ведь? Вот, Юра тому доказательство.

Или всё вокруг этого дома просто сплетни. А история совсем другая. Саша ждал. Парень стоял молча. Смотрел на Сашу. Потом спросил вдруг:

– Шахматы есть?

Саша вытаращил глаза. Шахматы, в смысле доска и фигурки? Это имеет в виду Юра?

– Н... нет.

– Не знаешь ты ничего. Есть. – хихикнул призрак.

Исчез. И вернулся с шахматами в ту же секунду. Он быстро поставил доску на стол, а потом расставил фигуры.

Саша подумал, не позвать ли папу. Шахматы явно были не призрачными, правда очень старыми. Но расставлял их ночной гость не руками. Он просто смотрел на шахматные фигурки, и они вставали на доску, куда полагается. Вот интересно, что будет, если заорать что есть мочи – позвать отца. Мальчик Юра исчезнет, а шахматы? Они останутся? Это будет доказательством, что Саша не сходит с ума, и не закатывает истерики без повода.

– Давай, катись сюда. Ты играть-то умеешь?

– Ну... так. Умею немного.

– Мозги тренирует.

Саше стало смешно. Откуда у призрака мозги? Он подъехал к столу, так получилось, что со стороны белых. И, полуприкрыв глаза, сделал ход.

– Теперь можно и поговорить. – сказал Юра и подвинул взглядом чёрную пешку.

Московская область, 1954

Калугин Пётр Петрович был писателем. В пятьдесят четвёртом году, в самом его начале, он написал совершенно потрясающий роман про жизнь людей после великой отечественной. Про жизнь обычных людей, чья простая, казалась бы, жизнь была пропитана патриотизмом и героизмом. Написал так, словно сам участвовал во всех этих событиях. Душевно очень. Книгу Калугин назвал «Людские судьбы», выпущена она была большим тиражом и махом раскуплена. И жизнь Петра Петровича в один миг изменилась. Его приняли в союз писателей, осыпали материальными благами и заказали ещё один патриотический роман.

Пётр Петрович больше на заданную тему не смог написать ни слова. Жена его, Мария Григорьевна, первое время всячески поддерживала и подбадривала Калугина в том духе: «Ты всё сможешь!», «Ты – гений, тебе нужно только начать», «Я в тебя верю!» К тому времени Пётр с семьёй уже переехал сюда, в загородный дом на краю улицы Гражданской. Тогда эти места были тихими, дачными. Воздух в Болшево был чист и свеж. Дышалось Калугину прекрасно, а вот работать – не работалось. Совсем.

Точнее, не писался у него патриотический роман. Пётр садился к столу, заправлял лист бумаги в печатную машинку – да-да, у него теперь имелась такая роскошь, как машинка. Первый роман Калугин писал рукой. Рука болела, ныла, её сводило, но текст так и лился из Петра на бумагу. Чистым свободным потоком. Он был уверен, что наштамповать таких книг, угодных власти имущим, можно хоть с десятков. Но, не учёл, что муза – дама капризная. Вот и машинка-то у него теперь была. И дача. И заветный билет члена союза писателей. А работа не шла, и хоть ты тресни.

Вместо героических, работающих на благо страны, мужчин и женщин, из-под пера Калугина вдруг полезли какие-то монстры. Пётр Петрович начинал печатать, и происходило невероятное. К инженеру Потапову приходила вампириша. Царапалась в дверь, и прикидываясь беженкой, просила инженера пригласить её в квартиру.

Или, например, сядет Калугин писать про учительницу младших классов, Тамару Павловну, и происходит снова какая-то чертовщина. Идёт Тамара поздно вечером по парку, думает о своей семье – какой она им сейчас приготовит ужин из синеватой курицы, купленной в гастрономе. И тут нападает на учительницу существо, полу-волк – получеловек. Оборотень. Нападает и кусает её. И вот она уже не добрая отзывчивая, любящая детишек и свою работу, учительница, а существо, оборачивающееся в полнолуние волчицей.

– Машенька, что за чертовщина со мной творится? – жалобно спрашивал Калугин у жены. – Мне работать нужно, а пишется какая-то пакость. Я даже не понимаю, что это? Откуда?

– Как так, не понимаешь? – спрашивала не творческого ума Маша. – Ты же пишешь! Как ты можешь не понимать?

– Машенька, сделай мне кофейку. – просил со вздохом Калугин. – Покрепче.

– На ночь? – ужасалась Мария Григорьевна.

– Мне работать надо.

– Работаете ночами, вот и выходит нечисть всякая. – осуждала Маша.

Но на кухню шла и зерна молола. В красивой деревянной ручной мельнице. Варила в турке кофе покрепче и несла мужу.

Калугин сидел за столом перед своей машинкой, взявшись обеими руками за голову. Сжав виски ладонями. Сидел и в ужасе думал, что время идёт, а у него – ничего. Какая-то нечисть и глупость.

– Поспал бы, Петенька. – говорила жена.

Калугин отмахивался. Отхлёбывал горячий кофе, и начинал сначала на чистом листе. Те, что уже были густо заполнены строчками, он не выбрасывал. Недоумевая, что это такое у

него пишется, Пётр откладывал документы в сторону. Складывал в стопочку. Зачем? Почему не выбрасывал? Он и сам не знал.

Время шло, и редакция начала сначала вежливо напоминать о сроках сдачи книги. А потом уже и невежливо. Потом с Калугина начали требовать написанную рукопись, и он почувствовал себя загнанным в угол зверьком. Крысой, которую поймали в мышеловку. И теперь, вероятно, оторвут башку. Снова и снова Пётр Петрович пытался написать, что от него требовали. Но то, что ему удавалось выдать из себя чисто технически, никуда не годилось. А то, что писалось легко и со свистом – листов накопилось уже огромная пачка – нельзя было предъявить редакции.

Калугин почувствовал, что сходит с ума. Он поехал в издательство и честно поговорил с редактором. На него действительно смотрели как на умалишённого. Что значит, не могу? Что значит, не пишется? В СССР каждый должен выполнять свой труд. А Калугин, получается, несколько месяцев чем занимался? Баклуши бил?

Получив нагоняй и месяц сроку, – последний шанс, – Пётр Петрович приехал домой и застал Машу одетой и с собранными чемоданами.

– Ты куда? – изумился он.

– Я так не могу больше, Петя. Я уезжаю к маме. И детей забираю с собой.

Детей у них было двое. Сын Юра четырнадцати лет, и дочка, восьмилетняя Катя. Калугин уже и не помнил, когда видел своих детей в последний раз. Когда он вообще что-то или кого-то видел, кроме печатной машинки.

Жена превратилась в прислугу. Дети стали помехой. И результата нет. Книги нет! И всего месяц на исправление ситуации. А ситуация такова, что только семейных разборок ему сейчас и не хватало...

– Маша... ты только не бросай меня, слышишь? Ты поезжай, поживи у мамы. Я сейчас разберусь с работой, и приеду к тебе. К вам. Слышишь?

Мария Григорьевна сдержанно кивнула, и они с детьми уехали. Калугин бросился в кабинет, к столу. Эх, жаль теперь даже некого попросить сварить кофе... ну да ладно!

Он схватил папку с листами, в надежде вытащить оттуда всё, что может вписаться в нормальную советскую книгу. Имена героев, их семьи и друзей, их работу и досуг – обычные человеческие истории. Калугин перевернул пачку и начал просматривать свои тексты. Пробежав глазами по первому же листу, он нахмурился и вернулся в начало.

Внимательно перечитал. Потом взял следующий лист. Закончил Пётр Петрович читать свои листочки перед самым рассветом. И находился Калугин в состоянии совершенно потрясённом. Поражённом. Перевернутом. Он только что прочитал нечто такое, чего не было на полках советских книжных магазинов. По крайней мере, никто в стране такого точно ещё не писал.

Перед Петром Петровичем Калугиным лежал захватывающий добротный ужастик, написанный им собственноручно!

Калугин так обалдел от прочитанного, что чуть не залпом хватил полбутылки коньяка. Человеком он был очень мало пьющим, и поэтому сильно захмелел. Как был, в ботинках и костюме, – жена ушла, и некому было напомнить Петру, что дома нужно переодеться в домашнее, – он рухнул на кровать и проспал до самого вечера.

Когда Калугин проснулся, реальность настигла его не сразу. Он пробудился, чувствуя себя семейным человеком, которому в последнее время не очень удаётся написание романа. А потом воспоминания хлынули на него, как снежная лавина с горы. И редакция вспомнилась. И Маша, которая почему-то вдруг решила уехать к маме. А потом уж и странный роман, написанный произвольно, лежащий в кабинете на столе, вспомнился. Придавило Петра реальностью. Размазало.

Сначала Пётр решил привести себя в порядок и поесть. Он затопил колонку, чтобы нагреть воду. Снял костюм, ботинки. Подумал, что теперь хоть голым по дому ходи – всё равно никого нет. Хихикнул своим мыслям. Голова была тяжёлая – и как люди выпивают постоянно? Гадость ведь какая! И во рту гадость.

Калугин помылся, побрился. Не спеша надел байковую пижаму, а сверху накинул подаренный женой халат. Медленным шагом прошёл в кухню и заглянул в холодильник. Там была еда. И Пётр почувствовал, как он голоден.

Достал из холодильника суп, выудил куриную ногу и впился в неё зубами, урча как мартовский кот. Пётр Петрович, конечно, весь обляпался и принялся вытираться красивым кухонным полотенцем. Маша сама шила-вышивала это полотенце, а Калугин уделал его пятнами. И халат весь устряпал. И стало так тоскливо ему. Словно жизнь закончилась. Как он будет без своей Маши? Как жить без семьи?

– Хватит ныть, малодушный ты осёл! – обругал себя Калугин. – Лишь бы не работать! Иди в кабинет и исправляй ситуацию.

Он прошёл в кабинет за стол, наплевав на то, что халат испачкан бульонными кляксами. Пётр Петрович был полон решимости. Сейчас он сядет за машинку, и сделает, что от него требуется. Месяц – это, конечно, чертовски мало для того, чтобы написать роман. Но главное, хорошо написать хотя бы половину, чтобы было что предъявить редакции. И тогда сроки продлят. Никуда-то не денутся.

«Инженер Потапов...» – написал Петя. Стоп. Потапов уже был, и с ним произошла бесовщина. Не надо больше Потапова! «Инженер Синичкин...» – напечатал Калугин на новом листе.

Дальше была пустота. Пустота на листе, пустота в голове. Даже в груди, чуть выше и правее сердца, было как-то тоскливо пусто. Словно душу вынули. «Никакой души нет, болван! Пиши!» – буквально зарычал на себя Калугин.

Он всё косился на роман-ужастик, который лежал на столе неровной пачкой. Роман-то потрясающий! Почему, ну почему у нас такое нельзя? А может... может, можно? Может, надо принести этот шедевр в редакцию, и заявить о себе вот в таком ключе. Да, не научная фантастика. И не космическая. Но чем не фантастика? Писал же Михаил Афанасьевич и про Дьявола, и про вампира. И про духов всяких, демонов.

Калугин в полной мере осознавал, что он – не Булгаков. К тому же, Булгакова можно было читать только нелегально – тема откровенно не приветствовалась. Если точнее, была под запретом. Но роман Петра про монстров был хорош. А про людей пока не пишется. Пётр придвинул к себе пачку листов и взял в руку карандаш. Взялся править, одним словом.

Удивительно, но править было почти нечего. Так ровно и гладко был написан роман. Сделав, тем не менее, кое какие пометки, Калугин обнаружил, что снова провозился до утра. И нужного опять ничего не сделал. Но ему так нравилась его новая книга...

Поспав часиков шесть-семь, Калугин взялся перепечатывать роман, попутно прокручивая в голове названия. Ничего путёвого, правда, в голову не приходило. А может, просто назвать книгу «Нечисть»? «Тёмная сторона» – подсказал кто-то. Пётр не понял, где голос. В его голове, или извне. Стало жутковато. Но название понравилось.

На то, чтобы перепечатать роман, у Калугина ушла неделя. Когда была поставлена последняя точка, он встал из-за стола и прошёл в ванную. По пути увидел себя в зеркале, висящем в коридоре. Калугин был небрит, с потемневшим лицом и покрасневшими глазами. Лихорадочный блеск глаз отразился в зеркале, как вспышка. Калугин подавил желание перекреститься. Да и не умел он креститься. Лишили их этой возможности. Всю страну лишили. Весь народ.

В непонятном приступе злобы, Калугин передумал приводить себя в порядок. На кой пёс, если он тут один. Сходив в туалет, Пётр завалился спать. Проснулся, что-то съел – давно

уже пора было сходить в магазин, но Калугин не мог выбрать время для этого. Вместо магазина он пошёл в кабинет и решительно отложил перепечатанный роман. Убрал в папку и в стол.

Заправил в машинку чистый лист и вознамерился приступить к работе, которую от него ждали. И снова ничего...

– Почему?! – заорал Калугин в отчаянии. – Почему? Я же сделал то, что было нужно!

Он сам испугался своего отчаяния и своего крика. И того, ЧТО он кричал. Что было нужно? Кому было нужно?

Пётр Петрович явился в редакцию, как и было велено. Через месяц от последнего визита. Никто бы не узнал в этом похудевшем человеке с сумасшедшинкой в глазах прежнего Калугина. Редактор просмотрел первые десять страниц тут же. Очки на нём вспотели и поползли на лоб.

– Голубчик, вы спятили, что ли? Что вы мне принесли?

– Что получилось, то и принёс. Я творец, а не ремесленник. – угрюмо ответил Калугин.

– Хорошо. – редактору стало страшно, и он не стал спорить. – Хорошо. Я передам это... куда следует.

– Воля ваша. – ответил Калугин и вышел из кабинета.

Почему? Почему он не родился там, где такое можно писать? Где его роман оторвали бы с руками и ногами? Почему? Он шёл по Московским улицам, задевая прохожих и не замечая этого. Последствия для себя Калугин вполне хорошо осознавал. Будет всё плохо. Очень, очень плохо. С дачи выпрут, квартиру отберут, а то, может, вышлют за сто первый километр. Или уже не высылают? Пётр не знал. Не вникал. Не было нужды до этого момента.

А может его и вообще посадят в тюрьму за антисоветчину!? За мракобесие. И за что-нибудь там ещё.

До вечера Калугин слонялся по городу, плохо понимая, куда и зачем он идёт. Потом подумал, что неплохо бы повидаться с семьёй. Все эти дни никто из семьи не приезжал. Ни разу. Калугина осенило: наверное, Маша ждёт шага от него! И это правильно. И логично! Пётр обрёл цель и поехал на метро в ту сторону, где жила его тёща.

На подходе к дому его ждал сюрприз, обнаружив который, Калугин отступил в тень гаражей и затаился. Слившись со стеной, он наблюдал, прикусив руку. Даже через кусты и дорогу ему было хорошо видно Машу, которая стояла и разговаривала с незнакомым мужчиной. Он весьма недвусмысленно придерживал жену Калугина за талию. Намиловавшись, голубки разошлись. Мария поцеловала мужчину и ушла в сторону подъезда. Кавалер подошёл к машине, сел за руль волги и укатил в сторону центра. Калугин почувствовал липкое тепло в рукаве и расцепил зубы. Руку он прокусил очень сильно, до крови. Но даже эта боль не отвлекала от более мощной и острой, душевной боли. Как же так? Ведь души-то, говорят, нет!

Город Королёв, наши дни.

– Ты так рассказываешь, словно это всё случилось не с П.П. Калугиным, а с тобой. Кстати, Калугин – это и есть твой отец?

Саша не выдержал и перебил Юру. Он уж и забыл, что слушает историю из уст призрака, а не человека – так гладко и интересно шло повествование. Так увлекало за собой, словно Саша сам перенёсся в середину прошлого века.

Но когда Юра рассказал о сцене около дома Марии Григорьевны, мальчик не выдержал. Перебил. Задал вопрос, и тут же сам вернулся в реальность. И здорово испугался, потому что реакция на его невежливое поведение не заставила себя ждать. Призрачный Юра посмотрел Саше прямо в лицо, и глаза его при этом сверкнули нехорошим огнём. Боже, страшно-то как!

– Прости, пожалуйста... – пробормотал Саша.

– Да ладно. Я поясню, и ты больше не перебивай. Хорошо?

Саша с готовностью закивал. Конечно, хорошо. Ещё бы не хорошо! Фу-ух... вроде, пронесло. Интересно, чем вообще закончится этот сверхъестественный контакт. И не спит ли Саша на самом деле.

Да, нет... какой там спит! Он же сегодня даже не ложился. Ждал. Ну, дождался. Слушай теперь. Интересно же.

– Когда умираешь и застреваешь, ты знаешь всё. – пояснил Юра. – То есть, абсолютно всё. Поначалу, когда вся информация вселенной накатывает на тебя потоком, может показаться, что сходишь с ума. Но призракам не грозят душевные болезни. Информация постепенно отсеивается и укладывается. Захотел что-то узнать – вытащил из общего поля информации. Не захотел – отдыхай. Понял принцип?

Саша снова кивнул. Парень подтвердил, что он – призрак. И объяснил, откуда и что знает, тоже довольно толково. Пусть уж рассказывает дальше. Саша, слушая Юру, отвлекался от безумной действительности. И это помогало мальчику не думать о том, что он сходит с ума. Или, уже сошёл.

Московская область, 1954

Пётр Петрович Калугин направлялся домой, в область. Он вполне мог переночевать и в Москве – ключи от пустой квартиры, в которой он был прописан, были прицеплены к общей связке. Но его тянуло за город, и он знал, почему. Там, в кабинете, в верхнем ящике стола, лежала копия романа, который он отвёз сегодня в издательство. Романа ужасов. Нетипичного, никому не нужного, и прекрасного. Калугин перепечатал для себя экземпляр. Как знал, что редактор захочет оставить у себя рукопись, и передать её... куда следует.

Маша-Маша... как же ты могла? И как давно это происходит? Как давно жена Петра ему неверна? Калугин ехал в электричке, съёжившись в самом углу на деревянной лавке. Ему казалось, что стотонная глыба легла на плечи, и от того неудобно сидеть на хорошей, в общем-то, скамейке. И дышать трудно. И жить теперь... непонятно как.

Калугин и сам толком не понимал, чем раздавлен больше: неудачей в работе с издательством, или сюрпризом от Марии. Увидев жену с другим, Калугин не пошёл к ней, хотя желание такое было. Но как бы он пришёл? Что бы сказал? Мария, я подглядывал за тобой от гаражей, и я всё знаю! Так, что ли? Низко это всё, и подло. «А изменять, это какво?» – поинтересовался голос в голове Калугина.

И с романом, который ждали от него в редакции, вот ведь какая незадача. Не написался, и хоть ты тресни! А шедевр Калугина в жанре ужасов никому не нужен. У них, в СССР, и жанра-то такого нет.

Так, перескакивая в своей голове с одной невесёлой темы на другую, Пётр добрался до дома. Дом встретил его светом в окнах, и в груди радостно запрыгало предчувствие. Маша? Вернулась? Калугин поспешил к дому, открыл дверь и вбежал внутрь:

– Маша? – позвал он.

В системе координат Калугина всё было просто: ключи от дома только у него, и у жены. Значит, в доме может быть только она. А про сцену, которая так ранила его пару часов назад, Пётр в тот момент начисто забыл.

Свет и правда горел, притом во всех помещениях. Самое интересное, что пробежав по дому прямо в обуви, Калугин нигде никого не нашёл. Пётр нахмурился и снова обошёл дом, комнату за комнатой – никого. Он бросился в кабинет и проверил верхний ящик стола – рукопись была на месте. Калугин выдохнул. Но что за чертовщина? Он вышел с утра из дома, и оставил везде гореть свет? Ведь не может же быть! Выходил Калугин, когда уж солнце высоко висело над землёй и светило в каждое окошко на солнечной стороне. На кой чёрт ему было нужно включать свет? Не включал! Но кто тогда?..

Пётр Петрович закрыл входную дверь от греха подальше, разулся, надел домашние тапочки, и пошёл в кухню, сварить себе кофе. За день он устал, да и жизнь не радовала. Кофе! Вот что ему нужно было. А потом он снова засядет за свой роман. Не чтобы править, нет! Просто, ещё раз убедиться, как здорово написано! Как талантливо, искренне, живо...

– Мне сварить? – раздался за спиной женский голос с лёгкой хрипотцой.

Калугин почувствовал влагу на спине. Организм отреагировал моментально – спина вспотела. Пот был с холодком, но рубашка тем не менее прилипла к спине. Он ведь только что проверил дом! В нём не было ни души. Тогда кто это говорит с ним?

Стараясь не трястись, как перепуганный заяц, Калугин повернулся. За столом сидела, и курила через мундштук сигарету, девушка в чёрном брючном костюме. Блондинка с красивым лицом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.